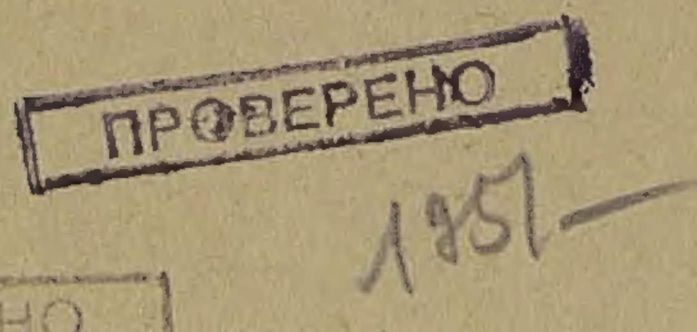
М. И. Ботьяновъ.

ЗА ГОДЪ ВОЙНЫ.

Статьи, помѣщенныя въ печати.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. зав. А. Ф. МАРКСА.
1905.

94 г

1972

1984

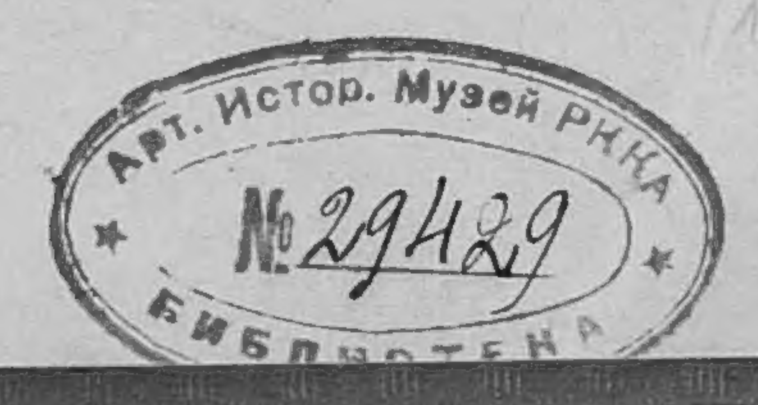
М. И. Ботьяновъ.

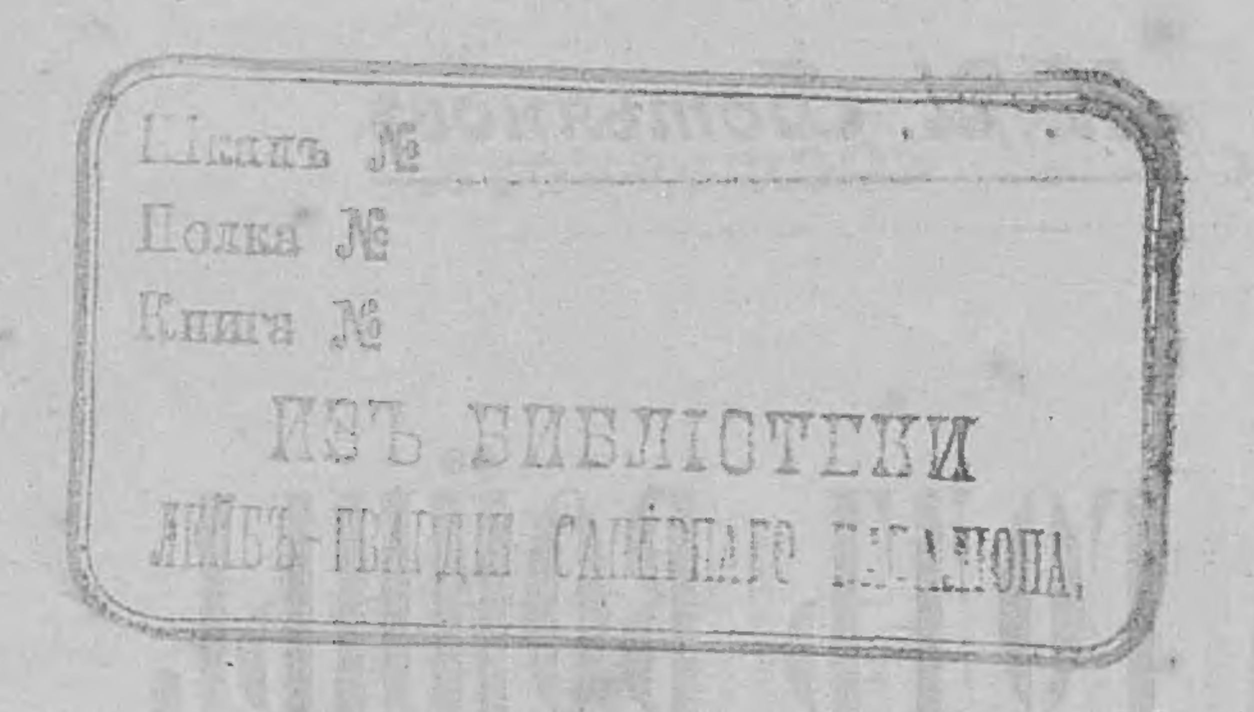
ЗА ГОДЪ ВОЙНЫ.

Статьи, помѣщенныя въ печати.

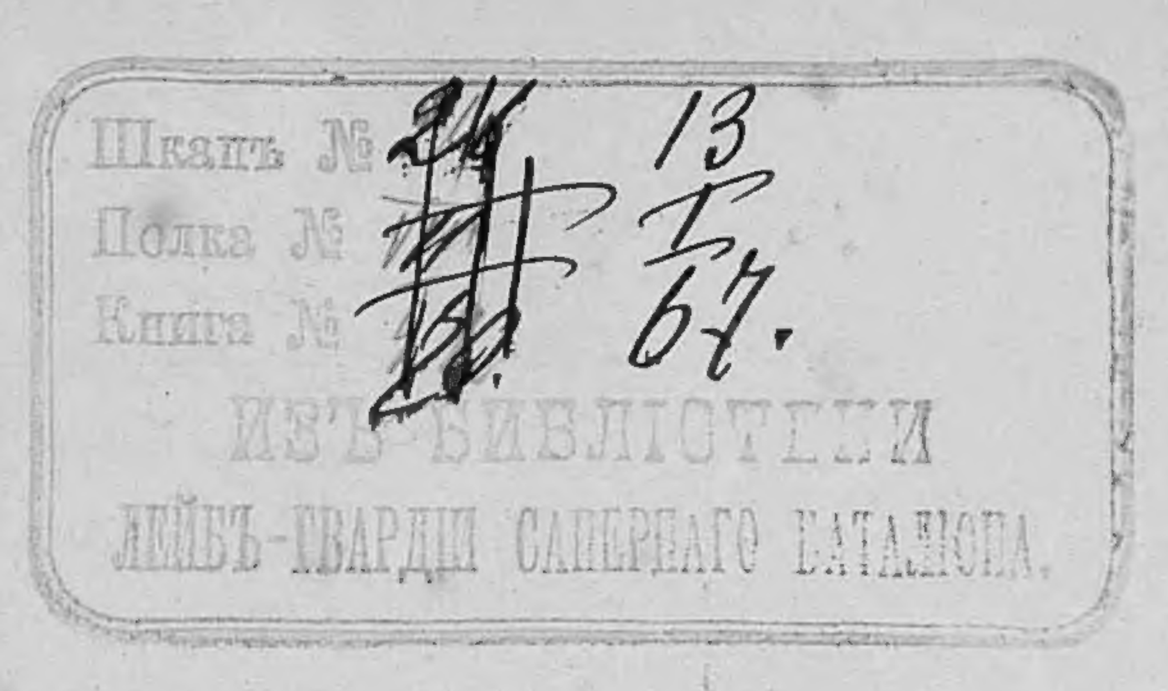

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Арт. зав. А. Ф. МАРКСА.
1905.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 марта 1905 г.

Отъ автора.

Предлагаемыя статьи печатались мною въ
газетахъ съ начала войны и касаются раз-
личныхъ, связанныхъ съ ея событіями, во-
просовъ. Сознавая вполнѣ, что многія изъ
высказанныхъ мною мыслей и предположе-
ній въ настоящее время, по ходу событій,
уже не могутъ осуществиться и не имѣютъ
теперь практическаго значенія, я, тѣмъ не
менѣе, рѣшился безъ всякихъ перемѣнъ со-
брать въ этой книжечкѣ все во едино, въ
надеждѣ, что для преданныхъ родному воен-
ному дѣлу лицъ мои замѣтки не лишены
интереса.

НАШИ ОТНОШЕНІЯ СЪ ЯПОНІЕЮ.

(Письмо въ редакцію).

«Новое Время», № 9904. 30-го сентября 1903 г.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ занятія нами Квантунскаго полуострова, о которомъ давно мечтала Японія, считавшая это дѣло уже близкимъ къ осуществленію, государство это стало къ намъ во враждебныя отношенія. Съ занятіемъ же нами Манчжуріи отношенія эти еще обострились и, подстрекаемая другими державами, Японія предъявляетъ къ намъ такія требованія, на которыя мы, конечно, не можемъ согласиться. Вопросъ этотъ имѣетъ для насъ очень серьезное значеніе и потому нужно безотлагательно вдуматься въ него и обсудить, какой системы намъ придерживаться на Дальнемъ Востокѣ.

Сколько мнѣ приходилось читать и слышать, по этому вопросу существуютъ *три* мнѣ-

нія: 1) что нужно во что бы то ни стало войти съ Японіей въ соглашеніе, 2) что нужно увеличить армію за счетъ флота и 3) что на Дальнемъ Востокѣ намъ необходимо имѣть флотъ сильнѣе японскаго.

На *первое* мнѣніе нельзя не возразить, что по общему правилу уступки съ одной стороны неминуемо ведутъ къ повышенію требованій съ другой, въ особенности при наличности подстрекателей, и всякому ясно, что Японія удовлетворится лишь такими уступками, которыхъ мы сдѣлать не во вредъ себѣ не можемъ, а потому я и нахожу, что къ войнѣ нужно готовиться такъ, чтобы для Японіи было очевидно, что, въ случаѣ войны, она проиграетъ, а не выиграетъ. *Второе* разрѣшеніе вопроса — увеличеніе арміи за счетъ флота — не достигаетъ вполнѣ цѣли, потому что, при относительности положенія въ настоящее время Россіи и Японіи, послѣдняя всегда будетъ въ состояніи на первыхъ порахъ выставить больше военныхъ силъ, чѣмъ мы, и намъ придется отступать; отступленіе же наше въ Азіи ободритъ нашихъ враговъ на мѣстѣ, и Японія въ этомъ случаѣ скорѣе найдетъ себѣ союзниковъ въ Китаѣ. Наконецъ, имѣть флотъ сильнѣе японскаго, какъ

говоритъ третье мнѣніе, конечно, желательно, и такое разрѣшеніе вопроса значительно упроститъ задачу отношеній нашихъ съ Японіей, которая при этомъ условіи не позволила бы себѣ предъявлять къ намъ никакихъ требованій, а для поддержанія своихъ требованій была бы вынуждена искать себѣ союзниковъ.

Мнѣ же кажется, что *главнѣе всего*—достигнуть того, чтобы обезпечить себя на Дальнемъ Востокѣ отъ возможности всякихъ *десантовъ*, даже если Японія будетъ воевать не одна, а съ кѣмъ-нибудь въ союзѣ. Десантъ вообще дѣло не легкое, даже для Японіи, находящейся въ такомъ близкомъ разстояніи отъ нашихъ границъ. Въ Севастополѣ, несмотря на такой грозный союзъ, если бы только у насъ былъ тогда винтовой флотъ, кто знаетъ—чѣмъ бы окончились англо-французскіе десанты, а вѣдь съ тѣхъ поръ техника сдѣлала не мало успѣховъ, въ особенности въ отношеніи защиты береговъ противъ десантовъ. Если во французскихъ газетахъ пишутъ правду объ испытаніяхъ съ подводными лодками, то окажется, что достаточно имѣть десять такихъ лодокъ, чтобы воспрепятствовать возможности десанта. И я утверждаю, что сильный, хорошій

миноносный флотъ можетъ совершенно не допустить десанта. Предвижу возраженіе, что у Россіи будетъ, примѣрно, 200 миноносцевъ, а у Японіи 400; по теоріи дѣйствительно кажется, что тотъ, кто имѣетъ численное преимущество, будетъ побѣдителемъ, но на дѣлѣ окажется совсѣмъ иное: непріятельскій флотъ будетъ стараться уничтожить наши военныя суда, наши же преимущественно будутъ нападать на суда, перевозящія десанты и все необходимое для арміи. Можно себѣ представить, сколько судовъ будутъ заняты поддержкою 150 тысячной арміи (а о меньшемъ количествѣ, въ случаѣ войны, нельзя и говорить).

Въ заключеніе скажу, если Россія ставитъ главной своей задачей на Дальнемъ Востокѣ не нападать, а оградить себя отъ десантовъ, то сила миноноснаго флота, необходимаго для успѣшнаго выполненія этой задачи, зависитъ болѣе отъ условій той береговой линіи, которую необходимо защищать, чѣмъ отъ силъ непріятельскаго флота. Миноносное же дѣло въ рукахъ русскихъ людей грознѣе, чѣмъ въ рукахъ другихъ, что доказала послѣдняя турецкая кампанія.

МЫСЛИ СТАРАГО СЕВАСТОПОЛЬЦА
по поводу
войны на Дальнемъ Востокѣ.

«Р. Инв.», № 70.

Я выѣхалъ на время изъ Петербурга на югъ, чтобы найти вдали отъ центра немного отдыха отъ избытка впечатлѣній, вызываемыхъ вспыхнувшей войною во всѣхъ русскихъ, не говоря уже о насъ, севастопольцахъ, которымъ прямо не подъ силу переживать эти впечатлѣнія.

Здѣсь въ Николаевѣ, въ колыбели русскаго флота, гдѣ я родился и провелъ дѣтство до поступленія въ морской корпусъ, мнѣ живо представляются Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ и другіе моряки...

Это были люди, въ мирное время намѣченные адмираломъ Лазаревымъ и на войнѣ оказавшіеся героями съ сильными характерами. Эти лица умѣли выбирать себѣ подобныхъ, а

всѣ вмѣстѣ составили славу черноморскаго флота.

Теперь вся Россія сознала, что ей нуженъ флотъ могущественный, и не правы тѣ, которые утверждали, что Россія, какъ сухопутная держава, не нуждается въ большомъ флотѣ. Еще минувшею осенью, 30-го сентября 1903 года, я высказывался въ *„Новомъ Времени"* по этому вопросу, утверждая, что намъ необходимо имѣть на Дальнемъ Востокѣ эскадренный и миноносный флотъ сильнѣе японскаго. Итакъ, намъ нужно имѣть сильный флотъ.

Россія вынуждена содержать флотъ въ моряхъ Балтійскомъ, Чёрномъ и въ водахъ Дальняго Востока.

Въ Балтійскомъ морѣ, въ Финскомъ заливѣ, который всегда былъ и будетъ негостепріименъ для большихъ броненосцевъ, неминуемо подвергающихся тамъ аваріямъ, мы не можемъ имѣть наступательнаго флота, равносильнаго англійскому, да въ этомъ нѣтъ и надобности, такъ какъ война съ Англіей должна разрѣшиться на границѣ ея азіатскихъ владѣній, а также путемъ разоренія ея торговли нашими крейсерами на моряхъ; въ Балтійскомъ морѣ намъ нужно имѣть лишь сильный миноносный флотъ,

подводныя лодки и броненосцы береговой обороны, въ помощь крѣпостямъ, чѣмъ мы будемъ обезпечены отъ непріятельскихъ десантовъ.

Въ Черномъ морѣ Россія должна имѣть миноносный флотъ и подводныя лодки на тотъ случай, если туда прорвется непріятельская эскадра. Миноносному флоту въ Черномъ морѣ можетъ предстоять большая дѣятельность, такъ какъ значительная часть его береговъ принадлежитъ Россіи. Въ томъ же морѣ необходимо содержать и сильный броненосный флотъ, но, предвидя будущее, слѣдуетъ воздерживаться отъ постройки броненосцевъ, могущихъ брать только малые запасы угля.

Наконецъ, на Дальнемъ Востокѣ также нужно имѣть сильный миноносный флотъ и подводныя лодки въ такомъ количествѣ, которое могло бы не допустить десанта, не только одной Японіи, но даже если она будетъ въ союзѣ съ другимъ государствомъ.

Въ тѣхъ же водахъ Дальняго Востока необходимо содержать сильную эскадру изъ большихъ крейсеровъ, типа „Громобой“, вмѣщающихъ значительные запасы угля (хорошо было бы, если бы выработали такого размѣра под-

водныя лодки, которыя эти крейсера могли бы имѣть у себя на борту).

Кромѣ большихъ крейсеровъ, слѣдуетъ имѣть и крейсеры типа „Новикъ", а эскадренныхъ броненосцевъ имѣть болѣе, чѣмъ у Японіи.

Теперь нѣсколько словъ о бронѣ и минахъ. Изъ русско-японской войны, конечно, еще нельзя сдѣлать окончательныхъ выводовъ, но уже можно предположить, что мины пріобрѣтутъ въ морской войнѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преобладающее значеніе.

„Цесаревичъ", „Ретвизанъ" и „Паллада" выведены изъ строя каждый одной попавшей въ его корпусъ миной, тогда какъ „Варягъ", корпусъ котораго въ подавляюще неравномъ эскадренномъ бою былъ совершенно разстрѣлянъ снарядами, не только не пошелъ ко дну, но, выдержавъ неравный бой, могъ вернуться въ гавань и здѣсь былъ потопленъ своими же. Если „Варягъ", не будучи бронированнымъ, выдержалъ столь неравный бой, то мы въ правѣ заключить, что броня въ открытомъ бою до нѣкоторой степени теряетъ свое значеніе.

Если мы будемъ исходить изъ этихъ соображеній, вырабатывая желательный въ рядахъ нашей новой эскадры типъ судна, то мы бу-

демъ выбирать его по формулѣ: *„больше минъ, меньше брони“*. А отсюда уже ясно, что намъ выгоднѣе всего какъ можно скорѣе обзавестись наибольшимъ количествомъ миноносцевъ, равно какъ и подводныхъ лодокъ, если образецъ ихъ уже достаточно выработанъ и испытанъ.

Вотъ и теперь безотлагательная помощь портъ-артурской и владивостокской эскадрамъ должна выразиться въ отправленіи по желѣзной дорогѣ въ разобранномъ видѣ какъ можно скорѣе подводныхъ лодокъ, миноносцевъ и миноносокъ; хорошо бы купить какъ можно больше коммерческихъ быстроходныхъ пароходовъ, которые надлежитъ снабдить минными аппаратами и артиллеріей противъ миноносцевъ.

Что строить на пожертвованныя деньги?

Хорошо, если бы на пожертвованія каждой губерніи была выстроена миноноска или подводная лодка, которая и была бы названа именемъ губерніи, ее создавшей.

А Москва и Петербургъ, быть-можетъ, построятъ „Варяга“, а если будутъ средства, то и „Корейца“.

На пожертвованія отъ монастырей было бы хорошо построить плавучій госпиталь, подъ названіемъ „Монастырская лѣчебница“, а кромѣ

того, можетъ-быть, и плавучія мастерскія. Вѣдь у нѣкоторыхъ монастырей есть очень много имущества и къ такому доброму патріотическому дѣлу навѣрно они отнесутся отзывчиво. Такого высокаго подъема патріотическаго духа, какой теперь переживаетъ Россія, я не помню ни въ Севастопольскую кампанію, ни въ русско-турецкую. У всѣхъ какъ бы одна мысль: ни средствъ, ни жизней, если понадобится, мы не пожалѣемъ, *но Японія должна быть наказана за свою дерзость и вѣроломство*. И чѣмъ скорѣе ее принудятъ просить мира, почетнаго для Россіи, тѣмъ легче будетъ на душѣ у каждаго русскаго. Достигнуть же этого можно только при полномъ нашемъ преобладаніи на морѣ. А безъ этого преобладанія война затянется, ибо побѣдами лишь на сушѣ трудно принудить Японію къ заключенію невыгоднаго для нея мира.

ЕЩЕ О ВОЙНѢ.

«Русск. Инв.», № 97. 4-го мая 1904 г.

Мы должны совершенно подготовить себя къ извѣстію, можетъ-быть, очень недалекому, о полномъ изолированіи Портъ-Артура и не должны смотрѣть на это событіе, если оно наступитъ, какъ на имѣющее для исхода войны роковое значеніе; таковымъ оно не будетъ даже и въ томъ случаѣ, если суждено гарнизону Портъ-Артура быть погребеннымъ подъ развалинами его батарей и фортовъ и если нашъ флотъ будетъ вынужденъ, выйдя въ море, сразиться и даже со славою погибнуть въ бою, какъ предлагалъ это нѣкогда сдѣлать черноморскому флоту адмиралъ Корниловъ въ севастопольскую кампанію. Не будетъ вліять это на конечный исходъ войны потому, что даже и въ такомъ случаѣ, по прибытіи подкрѣпленій изъ Россіи съ суши, по прибытіи на Дальній Востокъ второй тихоокеанской эскадры, Японія все-таки

будетъ побѣждена и дорого заплатитъ намъ за нашу честность и миролюбіе.

Потому-то въ насъ, русскихъ, не должно быть мѣста унынію отъ временныхъ, хотя бы и крупныхъ, неудачъ, а должна быть непоколебимая вѣра въ будущее; когда же побѣжденная Японія, обезсиленная, по условіямъ выгоднаго для насъ мира будетъ поставлена въ невозможность приносить какой-либо вредъ нашимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ и окончательно разрѣшенъ будетъ назрѣвшій дальне-восточный вопросъ, тогда мы въ правѣ будемъ сказать, что все, что дѣлается—къ лучшему. А пока мы обязаны разумомъ поддерживать въ себѣ внутреннее спокойствіе: наши сухопутныя войска уже успѣли доказать подъ Тюренченомъ, что они, какъ и всегда, способны на геройскіе подвиги, что они плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашихъ славныхъ моряковъ, и еще болѣе укрѣпили въ насъ вѣру въ то, что нашъ назойливый врагъ, въ концѣ концовъ будетъ сломленъ. А потому, повторяю, спокойно обсуждая событія, мы не должны обращать вниманія на заграничныя сплетни, и каждый изъ насъ, не стѣсняясь чувствомъ ложнаго самолюбія, долженъ словомъ и дѣломъ, по мѣрѣ

своихъ силъ и способностей, прійти на посильную помощь и, между прочимъ, не стѣсняться высказывать въ печати тѣ мысли, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть полезны для дѣла. Нѣкоторыя изъ своихъ мыслей я и рѣшилъ предать гласности.

1) Послѣднее привлекшее всеобщее вниманіе событіе — неудачное для насъ дѣло подъ Тюренченомъ—дало возможность японцамъ прокричать о побѣдѣ, которую, въ дѣйствительности, однако, надо считать совершенно случайною и имѣющею весьма второстепенное значеніе, а потому и ликованіе, вызванное ею въ Японіи, преждевременнымъ и легкомысленнымъ. Дѣло въ томъ, что съ нашей стороны въ бою подъ Тюренченомъ нельзя не признать ненужной храбрости, заключавшейся въ томъ, что мы, имѣя полную возможность своевременно отступить, этого, однако, не сдѣлали и втянулись въ жаркій бой, который, при данныхъ условіяхъ относительной численности сражавшихся сторонъ, *не могъ* окончиться для насъ удачно. Жаль, что на Ялу не было у насъ достаточно кавалеріи: чѣмъ значительнѣе было бы у насъ тамъ преобладаніе въ кавалеріи, тѣмъ болѣе были бы мы освѣдомлены о силахъ не-

пріятеля и тѣмъ менѣе подвергались бы опасности обхода и не понесли бы такого огромнаго урона въ людяхъ.

2) Всѣмъ ясно, какую важность представляетъ для насъ вопросъ объ охранѣ желѣзнодорожной линіи въ предѣлахъ Манчжуріи и далѣе, и какія значительныя силы нашихъ войскъ отвлекаетъ эта охрана. Между тѣмъ, если вспомнить, что хунгузамъ нападенія нужны только для грабежей, то можно было бы, войдя въ соглашеніе съ ихъ главарями, поручить имъ охрану желѣзнодорожнаго пути за плату, въ нѣсколько разъ превосходящую рискованную наживу отъ разбоевъ. Конечно, какъ это всегда дѣлалось на Кавказѣ, при этомъ нужно будетъ примѣнить систему взятія заложниковъ (аманатовъ) изъ числа близкихъ родныхъ хунгузскихъ главарей; это сняло бы огромную обузу съ плечъ нашихъ войскъ, которымъ осталось бы только охранять желѣзнодорожные мосты и другіе важнѣйшіе пункты линіи.

3) При продолжительныхъ войнахъ бываетъ, что одна изъ сторонъ предлагаетъ обмѣнъ плѣнныхъ (на что уже и теперь дѣлались намеки въ одной изъ столичныхъ газетъ). Въ настоящую войну, при томъ условіи, что Россія рас-

полагаетъ арміею въ нѣсколько милліоновъ, а Японія (приблизительно) 400—500 тысячною, для насъ обмѣнъ плѣнныхъ до окончанія войны не можетъ представлять никакой выгоды.

4) Второй эскадрѣ нашей, очевидно, нельзя будетъ сдѣлать своею стоянкою Портъ-Артуръ, а потому надлежитъ теперь же съ особою осмотрительностью избрать для ея стоянки подходящее мѣсто на тотъ случай, если японскій флотъ будетъ уклоняться отъ открытаго боя.

5) Уже вполнѣ выяснилось, какую силу представляютъ въ морской войнѣ миноносцы, а потому нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ было достаточное число при второй эскадрѣ. Говорятъ, что отъ этого эскадра придетъ на мѣсто мѣсяцемъ позже, но мнѣ думается, что, такъ какъ миноносцы уже готовы, то ничто не мѣшаетъ отправить ихъ въ сопровожденіи надлежащаго числа крейсеровъ раньше, съ такимъ расчетомъ, чтобы они были уже въ Суэцскомъ каналѣ къ тому времени, когда остальная эскадра къ нему подойдетъ. Такимъ образомъ только на второй половинѣ пути—отъ Суэцскаго канала до Дальняго Востока, присутствіе миноносцевъ задержитъ эскадру. Необходимо также, чтобы при миноносцахъ на-

ходился транспортъ „Океанъ", какъ плавучая мастерская.

6) Часть черноморскаго флота, по моему мнѣнію, должна бы быть присоединена ко второй эскадрѣ, ибо эта эскадра во что бы то ни стало должна быть сама по себѣ сильнѣе японской, не считая находящихся уже на Дальнемъ Востокѣ нашихъ морскихъ силъ. Нарушеніемъ трактата *удаленіе* части нашего флота изъ Чернаго моря ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться, потому что по трактату не дозволяется лишь *временный выходъ* изъ Чернаго моря, теперь же часть флота мы взяли бы оттуда навсегда.

7) Въ заключеніе не могу не упомянуть объ отрадномъ чувствѣ, охватившемъ каждаго русскаго при извѣстіи о геройскомъ подвигѣ священника Щербаковскаго въ бою подъ Тюренченомъ, священника, шедшаго съ крестомъ въ рукахъ впереди солдатъ и пораженнаго двумя пулями въ грудь.

Мнѣ вспомнилось при этомъ, что, командуя частями, я не разъ въ подходящихъ случаяхъ говорилъ, что только въ нашей арміи есть этотъ послѣдній резервъ—священникъ, въ трудныя минуты увлекающій солдатъ своимъ примѣромъ

безстрашія и указывающій имъ путь съ крестомъ въ рукахъ. У этого раненаго пастыря слово не расходилось съ дѣломъ: легко говорить, что нужно умирать за отечество,—но великое дѣло самому идти на вѣрную почти смерть. Мнѣ кажется, что, независимо отъ ожидающихъ отца Щербаковскаго наградъ, надлежало бы помѣстить его портретъ во всѣхъ военныхъ собраніяхъ, гдѣ по обычаямъ приходится бывать духовникамъ, чтобы онъ постоянно напоминалъ объ этомъ выдающемся подвигѣ, о подвигѣ полкового священника, который на дѣлѣ не пожалѣлъ „положить душу за други свои“.

О ПИКѢ.

«Р. Инв.», № 123. 8-го іюня 1904 г.

Въ статьѣ своей о боѣ при Вафангоу уважаемый П. Паренсовъ, описывая потрясающее впечатлѣніе, произведенное нашими пиками на японцевъ, упоминаетъ о томъ, что вопросъ о вооруженіи нашей кавалеріи пиками обсуждался имъ въ печати и раньше.

Лѣтъ десять тому назадъ въ „Развѣдчикѣ", а потомъ, вторично, лѣтъ шесть тому назадъ, въ „Варшавскомъ военномъ журналѣ" я также писалъ о желательности введенія у насъ пики, и между прочимъ слѣдующее:

„На отмѣну пики у насъ въ кавалеріи неизбѣжно оказала нѣкоторое вліяніе кампанія 1877—1878 гг., тогда какъ въ смыслѣ боевого опыта примѣненія пики война эта ничего дать не могла. Я отлично помню изъ кавказской

войны впечатлѣніе, произведенное на горцевъ атаками донскихъ сотенъ, и тогда же проникся значеніемъ пики. И, вѣроятно, нѣмцы, прежде чѣмъ ввести у себя пики, изучили этотъ вопросъ у насъ на Дону, причемъ по справедливости надо сознаться, что сосѣди наши имѣютъ всѣ данныя рѣшать вопросы практичнѣе насъ.

Пики, конечно, оружіе грозное только, когда имъ владѣютъ умѣло, что̀ далеко не легко. Судя по отзывамъ людей, видѣвшихъ германскую кавалерію, успѣхи у нихъ достигнуты очень хорошіе. Принявъ во вниманіе, что у насъ въ кавалеріи срокъ службы гораздо продолжительнѣе, можно расчитывать добиться, чтобы и у насъ хорошо владѣли пикой".

Введеніе усовершенствованнаго оружія измѣнило въ пѣхотѣ соотношеніе пули и штыка. Штыкъ остался молодцомъ, но пуля поумнѣла.

Введеніе новаго оружія повліяло, конечно, и на атаки кавалеріи на пѣхоту, но на атаки кавалеріи на кавалерію—нисколько. А потому пика въ такихъ атакахъ (кавалеріи на кавалерію) осталась тѣмъ же страшнымъ оружіемъ, какимъ была издавна.

Разъ, что японская кавалерія не вооружена пиками и онѣ оказали на японцевъ такое по-

трясающее дѣйствіе, то и нужно этимъ воспользоваться; слѣдовало бы какъ можно скорѣе отправить въ манчжурскую армію донскіе казачьи дѣйствующіе полки, сколько признаетъ нужнымъ командующій арміей, а ихъ замѣнить на мѣстахъ новыми съ Дона.

ЗАМѢТКИ О ВОЙНѢ.

«Р. Инв.», № 124. 9-го іюня 1904 г.

Друзья наши англичане, — если не считать нѣсколькихъ благоразумныхъ голосовъ, — съ нескрываемою радостью продолжаютъ привѣтствовать постигающія насъ иногда неудачи. Къ этому всѣ уже привыкли. Но нельзя было не возмутиться появившимся недавно на столбцахъ англійскихъ газетъ сравненіемъ нашей теперешней войны съ войною англо-бурскою. Сравненіе это смѣшно: всѣ помнятъ, что та война началась съ позорной сдачи двухъ англійскихъ баталіоновъ, а у насъ теперь, — что ни дѣло, то геройскіе подвиги нашихъ доблестныхъ войскъ, дерущихся съ трижды сильнѣйшимъ по численности противникомъ.

По поводу же нашихъ, такъ-называемыхъ, неудачъ могу только сказать, что, кто много прожилъ и наблюдалъ, тотъ не долженъ имъ удивляться. Я свидѣтель третьей ведущейся

русскими войны, и каждая изъ предыдущихъ начиналась при полной почти неподготовленности Россіи, что не помѣшало, однакоже, Севастополю продержаться 11 мѣсяцевъ, а въ турецкую кампанію, какъ ни неудачны были августовскія дѣла подъ Плевною, мы все-таки взяли штурмомъ не одну крѣпость и зимою переходили Балканы. Но то было давно. Теперь же, на глазахъ у насъ, севастопольцевъ, Россія выросла и стала могущественнѣе, чѣмъ когда-либо, и нынѣшняя, третья на моей памяти, большая война, доказываетъ, что мы могли бы воевать на два фронта, если бы того потребовали обстоятельства.

Я уже высказывалъ въ печати, что Японія самый сильный, потому что наименѣе уязвимый для насъ врагъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ намъ сдѣлать Англія или Америка, которымъ мы относительно можемъ принести гораздо больше вреда? Въ иномъ положеніи Японія: коль скоро мы допустили, — и въ этомъ наша ошибка, — преобладаніе Японіи на морѣ, она можетъ выставить противъ насъ до 300 тысячъ войскъ, между тѣмъ какъ разстояніе мѣшаетъ намъ быстро подвозить свои войска на театръ военныхъ дѣйствій. Но унывать все-таки нѣтъ

основаній: такого десанта около 300 тыс. было бы, конечно, вполнѣ достаточно для совершеннаго покоренія Англіи. Для насъ же, несмотря на неудобства и безпримѣрную длину коммуникаціонной линіи, несмотря на относительную неподготовленность къ войнѣ, вызванную убѣжденнымъ нежеланіемъ воевать,—всѣ эти кровопролитные бои, не исключая и послѣднихъ дѣлъ подъ Цзинь-чжоу и при Вафангоу, не могутъ имѣть особаго значенія. На горе себѣ эта цвѣтущая страна дала увлечь себя, тогда какъ должна бы была стать естественною союзницею Россіи, и за это увлеченіе Японія дорого поплатится. Помню, что въ началѣ бурской войны мнѣ случилось высказать въ печати мысль, что пока есть Англія— нѣтъ мира на землѣ, и что другія державы должны бы, забывъ на нѣсколько лѣтъ свои распри, заключить союзъ противъ Англіи, чтобы низвести и обезвредить ее. На дѣлѣ же вышло, что Англія прежде всѣхъ поняла, что мины и подводныя лодки въ рукахъ другихъ государствъ значительно поколебали владычество ея надъ морями, и поторопилась обезпечить себя хотя на время соглашеніемъ съ Франціей.

Люди вообще впечатлительны: послѣ боя подъ Тюренченомъ многимъ казалось, что Японія перейдетъ немедленно въ наступленіе, послѣ дѣла подъ Цзинь-Чжоу,—многихъ охватило сомнѣніе въ надежности Портъ-Артура. Но развѣ не должно быть для всѣхъ ясно, что при неизсякаемости нашей арміи, при превосходствѣ теперь и въ морскихъ силахъ, такъ удачно примѣняемыхъ въ послѣдніе дни *),—не можетъ быть иного результата нашей войны, какъ полное разореніе Японіи. Вопросъ только во времени и въ той степени энергіи, которая будетъ приложена къ дѣлу. А можно ли сомнѣваться въ энергіи?

---

*) Дѣйствія владивостокскаго отряда крейсеровъ М. Б.

НА ЧТО РАСЧИТЫВАЛА ЯПОНІЯ.

«Русск. Инв.», № 136. 23-го іюня 1904 г.

За послѣднее время въ иностранной печати появлялись статьи, обсуждающія положеніе Россіи и Японіи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Нѣкоторыя изъ нихъ приходятъ къ заключенію, что Японія поступила необдуманно, вступивъ въ борьбу съ Россіей, и задаются вопросомъ, на что̀ Японія могла расчитывать, начиная войну?

Вопросъ этотъ очень интересный, стоющій обсужденія, и потому я позволю себѣ высказать о немъ мнѣніе.

Нельзя же предположить, чтобы Японія поставила на карту свою судьбу, объявила бы войну Россіи, не имѣя никакихъ шансовъ на успѣхъ! Я думаю, что Японія расчитывала:

1) на полную неподготовленность Россіи къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ;

2) вѣроломнымъ нападеніемъ на нашъ флотъ обезсилить насъ на морѣ гораздо больше, чѣмъ ей это удалось на самомъ дѣлѣ;

3) японцы были увѣрены, что наша сибирская желѣзная дорога не окажетъ такой провозоспособности, какую она выказала. Да такъ, по правдѣ сказать, думало и большинство русскихъ, а между тѣмъ дорога оказалась на высотѣ своего призванія и, по русскому обычаю, намъ можно поклониться въ поясъ нашему министерству путей сообщенія. И, наконецъ,

4) Японія была увѣрена, что нашъ тихоокеанскій флотъ не можетъ быть въ теченіе этого года усиленъ прибытіемъ Балтійской эскадры.

Такимъ образомъ японцы имѣли основаніе расчитывать, что, при численномъ перевѣсѣ ихъ арміи и полномъ господствѣ на морѣ, они заставятъ наши войска отступать, быть-можетъ, и до Харбина. Если же впослѣдствіи пришлось бы и имъ отступать, то они при этомъ разрушали бы постепенно желѣзную дорогу, и Россіи предстоялъ бы громадный трудъ, быть-можетъ, даже невозможный, вытѣснить японцевъ изъ Кореи, гдѣ они имѣли бы время и возможность укрѣпиться, сформировать и обучить себѣ въ помощь войска изъ корейцевъ и въ то же время взять Портъ-Артуръ и стать тамъ твердой ногой.

Увѣренность же ихъ въ томъ, что они овла-

дѣютъ Портъ-Артуромъ, можно объяснить тѣмъ, что крѣпость эта находится въ исключительномъ положеніи, какъ по легкости для японцевъ доставки моремъ тяжелыхъ орудій и осадныхъ парковъ, такъ и по тому, что самъ осаждающій, что рѣдко бываетъ, владѣлъ этой крѣпостью раньше и, безъ сомнѣнія, имѣлъ возможность въ точности знать и наши въ ней работы по укрѣпленію, со дня перехода Портъ-Артура въ наши руки.

Несмотря на то, что въ расчетахъ своихъ Японія ошиблась, все-таки, какъ я и утверждалъ въ самомъ началѣ войны, заставить Японію однѣми только побѣдами на сухомъ пути подписать миръ, который ей продиктовала бы Россія, невозможно.

Надо побѣдить ее на морѣ, ибо островное государство иначе побѣдить нельзя.

5-го февраля 1904 г. на севастопольскомъ обѣдѣ я въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: „Японія дерзнула сдѣлать Россіи вызовъ, напала на нее вѣроломно, и вся Россія требуетъ примѣрнаго наказанія, а для этого надо, чтобы въ кронштадтскихъ и петербургскихъ мастерскихъ и днемъ и ночью, при электрическомъ свѣтѣ, закипѣла бы работа, не жалѣя

никакихъ затратъ, съ тѣмъ, чтобы изъ Балтійскаго моря вышла такая эскадра, которая, совмѣстно съ нашей тихоокеанской, завладѣла бы моремъ, вслѣдствіе чего былъ бы уничтоженъ весь десантъ японской арміи". Приготовленіе, такой эскадры требовало громадныхъ расходовъ, а потому нужно было доказать, что это единственный исходъ для побѣды надъ Японіей. Со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и отъ моряковъ, я не встрѣчалъ увѣренности, какъ въ возможности подготовленія этой эскадры, такъ и въ появленія ея тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, въ этомъ году. Но теперь можно быть спокойнымъ, что планъ уже близокъ къ осуществленію, благодаря тому, что дѣло это ведется съ неутомимой энергіей. Какъ только эта эскадра войдетъ въ Тихій океанъ, японцы будутъ просить мира, иначе всему ихъ десанту будетъ отрѣзанъ путь отступленія и война можетъ быть перенесена на ихъ территорію.

Да! великъ Богъ земли русской! велика сила, когда Царь и народъ составляютъ одно цѣлое и нераздѣльное и когда свято хранится завѣтъ Александра Благословеннаго: „не вложу оружія, доколѣ хоть одинъ врагъ останется на землѣ русской".

ЗАЩИТНИКАМЪ ПОРТЪ-АРТУРА.

«Русск. Инв.», № 148. 8-го іюля 1904 г.

Обложеніе Портъ-Артура напоминаетъ мнѣ севастопольскую осаду. Всѣ мы тогда сознавали, что нужно умереть, отстаивая родной городъ. Всѣ мы сознавали, что такъ думала и вся Россія, которая душою и сердцемъ была съ нами. Въ такомъ же положеніи находятся теперь и славные защитники Портъ-Артура: имъ выпала счастливая доля отстаивать нашъ оплотъ на Дальнемъ Востокѣ и, отстаивая, умирать съ вѣрою, что на смѣну имъ придутъ другіе. Какъ на помощь осажденному Севастополю шла армія, такъ теперь на выручку гарнизона и флота Портъ-Артура снаряжается балтійская эскадра, которой предстоитъ завидная и высокая по своему значенію задача—не только выручить товарищей, но и положить конецъ дерзко навязанной намъ Японіею войнѣ. Вся Россія напряженно ожидаетъ того радостнаго дня, когда эскадра будетъ готова, и твердо вѣритъ, что день этотъ недалекъ...

НАШИ КРЕЙСЕРА.

«Моск. Вѣд.», № 204. 26-го іюня 1904 г

Англійская печать, по поводу захватовъ и потопленія нашими крейсерами судовъ съ военною контрабандой, съ рѣдкимъ единодушіемъ высказываетъ протестъ. Это напоминаетъ мнѣ разсказъ покойнаго графа Лорисъ-Меликова. Было на Кавказѣ когда-то многочисленное армянское семейство князей, вѣчно имѣвшихъ другъ съ другомъ тяжбы. Но какъ только кого-нибудь изъ нихъ затрогивали посторонніе, то всѣ эти князья дружно, какъ одинъ, соединялись для защиты. Такъ и теперь въ Англіи, разъ затронуты ея коммерческіе интересы, всѣ партіи соединились въ единодушномъ протестѣ.

Въ чемъ же, однако, дѣло? Если захваченныя суда не имѣли военной контрабанды, то всякому ясно, что русскіе не имѣли права ихъ арестовать, а потому должны освободить ихъ и вознаградить всѣ убытки.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ для Россіи попытка англичанъ протестовать противъ права судовъ нашего добровольнаго флота проходить Дарданеллы и поднимать военный флагъ. Россія открыто заводила этотъ флотъ съ тѣмъ, чтобы въ военное время онъ исполнялъ роль крейсеровъ и транспортовъ, и даже въ мирное время должны были быть на этихъ судахъ всѣ приспособленія для постановки орудій. Англія это знала и не протестовала, а теперешній протестъ ея, во время войны, является предвзятымъ и несправедливымъ. Какъ бы отнеслась Англія къ поступку Россіи, если бы послѣдняя во время войны съ Англіей, вопреки своему обязательству, стала выдавать свидѣтельства (каперскія), какъ теперь ихъ называютъ, „добровольцамъ флота", приведя въ свое оправданіе лишь какіе-нибудь неосновательные доводы, въ родѣ тѣхъ, которые Англія выставляетъ теперь противъ судовъ нашего добровольнаго флота?

Если-бъ англійское правительство стало настаивать на томъ, что суда добровольнаго флота не имѣютъ права по прохожденіи проливовъ превращаться въ военныя суда, то Россія не только не могла бы согласиться на это, но была бы вынуждена теперь же, заранѣе,

отказаться, по отношенію къ одной только Англіи, отъ своего обязательства не выдавать во время войны свидѣтельствъ „добровольцамъ флота".

Въ настоящую войну такими добровольцами было сдѣлано Россіи много предложеній, которыя и были отклонены; а если бы вспыхнула война съ Англіей, то ихъ явилось бы несравненно больше, отчасти съ цѣлью наживы (вѣдь взять одинъ большой пароходъ—это уже богатство), отчасти воспользовались бы этимъ случаемъ соперники Англіи по торговлѣ. Теперь три наши владивостокскіе крейсера въ такомъ котлѣ, какъ Японское море, все-таки проявили свою дѣятельность. Океанъ же не Японское море, а просторъ, гдѣ нѣсколько добровольцевъ-ходоковъ съ лихими капитанами будутъ неуловимы. Добровольцы имѣютъ большое преимущество предъ военными крейсерами въ томъ, что капитаны ихъ, знакомые съ путями морской торговли, сумѣютъ всегда лучше обезпечить себя углемъ и необходимыми свѣдѣніями, и можно быть увѣреннымъ, что они нанесутъ англійской торговлѣ такой вредъ, какого теперь и представить себѣ нельзя.

Торговля же, которая выскользнетъ изъ рукъ Англіи, будетъ захвачена ея соперницами навсегда.

О КРЕЙСЕРСКОЙ ВОЙНѢ.

«Русск. Инв.», № 191. 1-го сентября 1904 г.

Лихія дѣйствія нашихъ крейсеровъ въ Японскомъ морѣ привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе, а меня вновь привели къ давно уже высказаннымъ мною въ печати мыслямъ о сущности и значеніи крейсерской войны вообще. Въ виду же несомнѣнной важности и современности вопроса, считаю нелишнимъ возвратиться къ нему на страницахъ нашей военной газеты. Считаю это современнымъ и потому, что теперь на дѣлѣ выяснилось, какое значеніе можетъ имѣть для Россіи крейсерская война, а слѣдовательно въ нашихъ интересахъ безотлагательно разработать подробности вопроса, съ тѣмъ, чтобы при наименьшихъ затратахъ быть въ состояніи приносить наибольшій вредъ непріятелю.

Въ этомъ отношеніи задача крейсеровъ можетъ быть двоякая: потопленіе или захватъ

военныхъ непріятельскихъ судовъ (транспортовъ) и уничтоженіе судовъ коммерческихъ, т. е. морской торговли непріятеля. Примѣромъ дѣятельности крейсеровъ, выполняющихъ первую изъ этихъ задачъ, можетъ служить въ настоящей войнѣ іюньская экспедиція трехъ владивостокскихъ крейсеровъ, пустившихъ ко дну нѣсколько японскихъ транспортовъ. Всѣ помнятъ, что главное возникшее тогда затрудненіе касалось вопроса о потопленіи живыхъ людей, при чемъ нельзя не сказать, что при разрѣшеніи этого вопроса крейсера вице-адмирала Безобразова руководились болѣе сердцемъ, чѣмъ разумомъ, и оказали японцамъ нѣкоторое послабленіе, безъ сомнѣнія, сопряженное съ извѣстнымъ рискомъ. Еще острѣе становится этотъ вопросъ, если мы представимъ себѣ встрѣчу въ открытомъ морѣ, вдали отъ порта, одного маленькаго крейсера съ непріятельскимъ пароходомъ большихъ размѣровъ, везущимъ мертвый и живой грузъ. Вести такой пароходъ на буксирѣ въ портъ, да еще отдаленный,— опасно, а главное—это отвлекаетъ крейсеръ отъ прямого дѣла. Отдѣлять съ него часть команды въ такомъ количествѣ, чтобы она могла самостоятельно отводить пароходъ—невозможно.

Наконецъ, вступать съ каждымъ встрѣтившимся пароходомъ въ переговоры о сдачѣ, съ тѣмъ, чтобы забирать къ себѣ его команду, также не всегда удобно и возможно, въ видахъ экономіи времени и даже провіанта, а потому, казалось бы, остается только одно — утѣшая себя тѣмъ, что всякая война неизбѣжно влечетъ за собою ужасы, топить встрѣчные непріятельскіе пароходы съ живымъ и мертвымъ грузомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что средство это *наивыгоднѣйшее*, какъ потому, что оно ведетъ прямо къ цѣли, такъ и потому, что оно вызоветъ наибольшій подъемъ фрахта и весьма быстро подорветъ морскую торговлю непріятеля (примѣръ этому мы видимъ уже въ нынѣшнюю войну).

Въ дѣйствительности, однако, въ уступку человѣчности, на практикѣ могъ бы примѣняться и другой способъ, если бы только вопросъ о немъ былъ заранѣе возбужденъ дипломатическимъ путемъ, а именно: если бы всякое сдавшееся крейсеру въ открытомъ морѣ судно считалось *военноплѣннымъ*, причемъ оно обязывалось бы честнымъ словомъ идти въ указанный ему командиромъ крейсера портъ. Въ то же время отъ командира сдавшагося судна отбиралась бы записка съ обозначеніемъ стоимости

судна и груза. Если же оно, нарушая слово, не явилось бы въ указанный ему портъ, государство, которому оно принадлежитъ, по конвенціи обязывалось бы уплатить за него указанную въ запискѣ сумму. Въ случаѣ же несогласія какого-нибудь государства на такой договоръ вообще или послѣ перваго случая отказа отъ платежа, вопреки конвенціи—всѣ остальныя суда данной державы, встрѣченныя крейсерами, подлежали бы потопленію съ живымъ и мертвымъ грузомъ. При этомъ вся нравственная отвѣтственность за жестокость такой расправы всецѣло и легла бы на вынудившее ее государство.

Содержаніе крейсеровъ, разумѣется, стоитъ дорого, но вѣдь и нѣтъ необходимости, чтобы крейсерская война, а въ особенности захватъ коммерческихъ судовъ, совершался только крупными бронированными крейсерами. На помощь имъ въ этомъ дѣлѣ должны, по моему убѣжденію, прійти крейсера-добровольцы (каперы), хотя бы наемные.

Я вновь возвращаюсь къ мысли о цѣлесообразности каперства и утверждаю, что однимъ почеркомъ пера, отказавшись отъ выдачи каперскихъ свидѣтельствъ, мы лишили себя гро-

мадныхъ преимуществъ. Стоитъ только представить себѣ наше положеніе въ войнѣ, напримѣръ, съ Англіею; у послѣдней 35 тысячъ коммерческихъ судовъ, наша же морская торговля ничтожна, слѣдовательно мы могли бы наносить Англіи въ эту чувствительную точку неизгладимые удары. Я считаю, кромѣ того, что сохраненіе за Россіею права выдавать каперскія свидѣтельства было бы вполнѣ справедливо: если Англія, какъ морская держава, имѣя мало сухопутныхъ войскъ, нанимаетъ чужихъ подданныхъ для веденія войны на сушѣ, то было бы послѣдовательно, чтобы Россія, какъ держава сухопутная, не располагающая большимъ флотомъ, нанимала иностранныя суда для веденія войны на морѣ, будь то за плату или за призы.

Помню, что появленіе этихъ мыслей въ печати вызвало цѣлую полемику, при чемъ раздавались голоса за и противъ, которые было бы, конечно, интересно выслушать и теперь, лишь бы это не была полемика для полемики. Въ числѣ возраженій однимъ изъ главныхъ было, что на каждый нашъ крейсеръ придется по десяти англійскихъ, и, во-вторыхъ, что каперовъ теперь не найти, если даже не стѣс-

няться отмѣнившею выдачу каперскихъ свидѣтельствъ конвенціею. Дѣло въ томъ, однако, что сколько бы ни было крейсеровъ у Англіи, собственно нашей торговлѣ повредить они почти не могутъ, настолько она незначительна, поймать же въ океанѣ крейсеръ дѣло не легкое (стоитъ только вспомнить, какъ не успѣшна была погоня адмирала Камимуры съ цѣлою эскадрою за тремя нашими крейсерами, изъ которыхъ „Рюрикъ" былъ далеко не быстроходный,—въ такомъ котлѣ, какъ Японское море). Что же касается воображаемой невозможности найти охотниковъ брать каперскія свидѣтельства, то мы видѣли, что, хотя война съ Японіей не представляла въ этомъ отношеніи особыхъ выгодъ, во всякомъ случаѣ, гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, война съ Англіею, тѣмъ не менѣе, уже были случаи предложенія услугъ (морскіе добровольцы), разумѣется, отклоненные Россіею, всегда свято исполняющею принятыя ею на себя договорныя обязательства.

Возбужденіе вопроса о крейсерской войнѣ я считаю умѣстнымъ въ настоящее время еще и потому, что всякое государство, закончивъ войну, обыкновенно приступаетъ къ преобразованію и возобновленію флота.

Какой флотъ намъ нуженъ въ разныхъ нашихъ моряхъ, мною уже было указано въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ въ № 136 „Рус. Инв.“ 1904 г. Здѣсь же я коснусь только вопроса о томъ, что намъ нужно для успѣшнаго веденія, именно, крейсерской войны съ любою державою, имѣя при этомъ въ виду, что, благодаря усовершенствованіямъ въ минномъ дѣлѣ, берега наши и приморскіе города могутъ быть защищены на случай нападенія непріятельскаго флота. Сколько крейсеровъ намъ нужно, это, конечно, вопросъ средствъ. Допустимъ даже, что для крейсерской войны, напр., на Дальнемъ Востокѣ мы будемъ имѣть только 10 крейсеровъ типа „Громобой“, съ большимъ ходомъ и значительнымъ запасомъ угля. Дальнѣйшая картина ихъ дѣятельности представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ *). Каждому крейсеру, при выходѣ въ море, вручается нѣсколько запечатанныхъ конвертовъ, и крейсера, каждый самостоятельно, направляются къ линіи наиболѣе оживленныхъ

*) На нижеизложенное просилъ бы предполагаемыхъ своихъ оппонентовъ обратить особое вниманіе. Нужно ли говорить, что интересно было бы выслушать вѣскій голосъ лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣднихъ крейсерскихъ операціяхъ.

торговыхъ сообщеній, захватывая или уничтожая всѣ встрѣчныя суда. Достигнувъ обозначенной на первомъ конвертѣ широты и долготы, крейсеръ вскрываетъ конвертъ и идетъ по указанному въ немъ второму направленію и т. д., пока всѣ крейсера не соединятся въ указанномъ тѣмъ же способомъ конечномъ пунктѣ. При этомъ, не забывая ни на минуту своего назначенія наносить удары морской торговлѣ противника, крейсера должны избѣгать безъ крайней необходимости вступать въ бой съ непріятельскими военными судами.

Было бы, конечно, очень полезно, чтобы каждый большой крейсеръ сопровождался маленькимъ быстроходнымъ крейсеромъ типа „Новикъ", для развѣдочной службы. Весьма важнымъ представляется вопросъ о снабженіи углемъ; крейсера могли бы пополняться углемъ и въ морѣ, хотя бы съ захватываемыхъ ими судовъ. Въ кругъ крейсерскихъ операцій могли бы быть включены и набѣги на берега, съ десантомъ, въ слабо защищенныхъ только съ моря пунктахъ, гдѣ подлежали бы уничтоженію всѣ сооруженія въ видѣ доковъ, верфей и т. п. При этомъ крупныя услуги могли бы оказать привезенныя на крейсерахъ подводныя лодки,

для потопленія стоящихъ въ гаваняхъ непріятельскихъ судовъ. Вообще же, для правильнаго веденія крейсерской войны необходимо выработать подробнѣйшую инструкцію, въ которой должны быть указаны всѣ доступные для нападенія съ моря непріятельскіе порты и степень ихъ укрѣпленности.

Нужно ли доказывать, что при такихъ условіяхъ крейсерскіе набѣги окажутъ губительное вліяніе на торговлю противника и, благодаря подъему фрахта, неизбѣжно сведутъ ее къ нулю. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ потопленіе непріятельскаго судна съ живымъ и мертвымъ грузомъ, если оно будетъ вызвано отказомъ воюющей стороны уплатить стоимость сдавшагося и нарушившаго слово судна. Мнѣ думается, что до такихъ ужасовъ ни одно цивилизованное государство не допуститъ и что расплата будетъ производиться быстро и исправно.

ДАЛЬНѢЙШАЯ БОРЬБА СЪ ЯПОНІЕЙ.

«Русск. Инв.», № 202. 16-го сентября 1904 г.

Тяжелыя испытанія не въ первый разъ выпадаютъ на долю Россіи, но она всегда умѣла выйти изъ нихъ съ честью, а потому неудачи, постигшія насъ въ нынѣшней войнѣ съ Японіей, никого не должны смущать. Отечество наше такъ могущественно, что, безъ сомнѣнія, оно и на этотъ разъ побѣдоносно окончитъ предательски навязанную намъ кампанію. Въ настоящее время выяснилось, что Японія гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ предполагали, и было бы гораздо хуже, если бы она, затаивъ свою месть и злобу, выбрала бы еще болѣе благопріятный для себя моментъ начала войны, тогда она достигла бы на нашей далекой восточной окраинѣ всего, что только ей хотѣлось. При настоящихъ же условіяхъ, хотя намъ и придется принести еще много тяжелыхъ жертвъ, мы мо-

жемъ окончить войну побѣдоносно и установить на Дальнемъ Востокѣ долгій и прочный миръ. Для достиженія этого прочнаго мира въ настоящее время никакія уступки Японіи съ нашей стороны не должны быть допущены. Мы должны употребить всевозможныя усилія, напрягая всю нашу государственную мощь, чтобы обезопасить себя въ будущемъ отъ всяческихъ японскихъ притязаній. Однимъ словомъ, намъ необходимо поставить Японію въ такое положеніе, чтобы она никогда не могла дерзнуть и подумать о реваншѣ. Я думаю, что теперь это еще можно сдѣлать.

Предложенія посредничества съ запада должны быть нами отвергнуты, потому что въ настоящее время между Россіей и Японіей рѣшается вопросъ не о первенствѣ, а о правѣ жизни.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я уже высказывалъ печатно свое мнѣніе, что островное государство, какъ Японія, можно побѣдить только при помощи флота. Поэтому вся наша забота и всѣ наши помыслы должны быть направлены къ тому, чтобы мы стали господами на морѣ. Для созданія могущественнаго флота мы не должны останавливаться ни передъ какими жертвами и

трудностями, ни передъ какими денежными затратами. Безъ преобладанія на морѣ война затянется надолго и мы не достигнемъ необходимыхъ для насъ результатовъ. Чѣмъ скорѣе будетъ отправлена 2-я тихоокеанская эскадра на Дальній Востокъ, тѣмъ лучше, но съ ея уходомъ должна вновь закипѣть работа на всѣхъ верфяхъ и днемъ и ночью, какъ для скорѣйшаго окончанія строющихся судовъ, такъ и для закладки новыхъ, преимущественно бронированныхъ крейсеровъ и минныхъ истребителей. Затрата ста милліоновъ и больше для этого будетъ производительна, такъ какъ одинъ уже фактъ закладки этихъ судовъ можетъ повліять на скорѣйшее заключеніе мира.

Что касается сухого пути, то, благодаря проявленной нашей сибирской желѣзной дорогой провозоспособности, мы имѣемъ полную возможность довести численность нашей дѣйствующей арміи до 700.000—800.000. На это, конечно, послѣдуетъ возраженіе, что и Японія можетъ довести свою армію до этой цифры, но это будетъ уже не армія, а милиція.

Никогда не была такъ примѣнима пословица „за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозъ“, какъ теперь, а потому при отправленіи

войскъ на театръ военныхъ дѣйствій нужно обращать особое вниманіе на выборъ людей.

Кто изъ начальниковъ частей не знаетъ, что̀ такое запасные, только-что призванные въ строй, и какая разница между только-что призванными и тѣми же запасными, пробывшими уже въ строю около шести недѣль! А потому необходимо, чтобы запасные, какъ предназначенные на пополненіе убыли въ манчжурской арміи, такъ и въ части, посылаемыя на Дальній Востокъ, призывались *за шесть недѣль ранѣе своего отправленія*, дабы имѣть возможность пройти съ ними всю повторительную солдатскую подготовку, обращая особое вниманіе на то, что̀ далъ опытъ настоящей войны. Такъ какъ слабые представляютъ большое обремененіе для части и такъ какъ только въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый духъ, то изъ запаса нужно призывать значительно больше намѣченнаго числа, чтобы имѣть возможность выбрать для подговки и отсылки только здоровыхъ людей. При общей мобилизаціи всей арміи и немедленномъ выступленіи въ походъ такого рода подготовленіе людей невозможно, но при условіяхъ настоящей войны съ Японіей, гдѣ мобилизуется только часть нашей арміи, пред-

полагаемая подготовка людей не представляетъ особыхъ затрудненій.

Итакъ, Россія имѣетъ возможность выставить на Дальнемъ Востокѣ восьми-сотъ-тысячную регулярную армію,—Японія этого не можетъ; Россія имѣетъ возможность выстроить скорѣе и бо̀льшій флотъ, чѣмъ Японія, а потому можно ли даже допустить мысль о какихъ бы то ни было переговорахъ о мирѣ теперь!

Во всѣ войны были и будутъ люди, падающіе духомъ. Вотъ для нихъ-то я и позволю себѣ выписать одинъ изъ десяти пунктовъ, которые въ теченіе долголѣтняго моего командованія частями читались въ торжественные дни передъ войсками, выстроенными для парада: „если тебѣ трудно, то непріятелю не легче, а можетъ и труднѣе твоего. Только свое трудное ты видишь, а непріятельскаго не видишь, а потому не унывай, а будь упоренъ и дерзокъ“.

О ПОДГОТОВЛЕНІИ ВОЙСКЪ.

«Моск. Вѣд.», №№ 266, 267. 26—27-го сентября 1904 г.

Говорятъ, что героевъ родитъ война, и что она же учитъ, какъ воевать; но военная наука во время войны стóитъ очень много крови, а отыскивать героевъ на войнѣ—поздно. Необходимо уже въ мирное время намѣтить и выбрать такихъ людей, которые во время войны оказались бы на высотѣ своего призванія. При настоящихъ условіяхъ службы, надлежащему выбору сильно вредитъ протекція: она оставляетъ въ тѣни выдающихся людей и выдвигаетъ менѣе достойныхъ; поэтому тѣ, отъ кого это зависитъ, должны съ особымъ вниманіемъ относиться къ рекомендаціямъ и дѣлать выборы съ большою осторожностью.

Что же касается до всесторонней подготовки офицера и солдата къ бою, то тутъ нужно болѣе прислушиваться къ мнѣніямъ практически-

опытныхъ людей, и въ особенности бывавшихъ въ бояхъ или даже ими руководившихъ, словомъ,—обращать вниманіе на мнѣніе людей, что-называется, „военныхъ практиковъ“.

Меня могутъ спросить, что̀ я подразумѣваю подъ словами: „практикъ военнаго и мирнаго времени“?

Практикомъ мирнаго времени я называю того, кто командовалъ, болѣе или менѣе долго, отдѣльными частями; подъ практикомъ же военнаго времени я подразумѣваю того, кто отбылъ кампанію и былъ со своею частью во многихъ бояхъ.

Къ числу послѣднихъ никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены несчастливцы, которые были ранены или заболѣли въ началѣ кампаніи и не возвращались болѣе въ строй. Теоретики, какъ кабинетные ученые, въ общемъ, гораздо лучше владѣютъ перомъ, чѣмъ практики, и, къ сожалѣнію, ихъ голосъ часто находитъ многихъ послѣдователей и получаетъ перевѣсъ.

Попробую доказать это ссылками на сказанное мною раньше и вполнѣ подтвердившееся въ настоящее время на войнѣ.

Въ бытность мою младшимъ офицеромъ 2-го

морского стрѣлковаго баталіона, временно сформированнаго при оборонѣ Севастополя, я спѣшилъ съ баталіономъ подъ Альму; по дорогѣ насъ нагналъ Корниловъ и, поздоровавшись, сказалъ, что участіе наше въ альминскомъ дѣлѣ будетъ зависѣть отъ быстроты перехода.

Подходя къ Альмѣ, мы замѣтили, что она уже занята англичанами, красные мундиры которыхъ были видны на далекомъ разстояніи, а весь закопченый порохомъ солдатъ, тутъ же намъ встрѣтившійся, на всѣ наши вопросы о дѣлѣ, коротко отвѣтилъ:

— Шпицера насъ допекли.

Эти немногосложныя слова простого солдата, только-что бывшаго въ жаркомъ дѣлѣ, ясно доказываютъ, что онъ понялъ силу болѣе усовершенствованнаго оружія. А между тѣмъ эта простая истина не сдѣлалась общепонятною, и много лѣтъ спустя сколько говорилось и писалось о томъ, что не нужно перевооружать арміи скорозаряднымъ ружьемъ; это все были теоретическія разсужденія кабинетныхъ ученыхъ, и я видѣлъ не мало людей, увлеченныхъ этими бойкими и убѣдительно-написанными „словами“. Даже въ послѣднее время высказывалось мнѣніе, что можно обойтись и безъ перевооруженія

нашей арміи скорострѣльною артиллеріей и безъ усиленія ея въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Вотъ что было сказано противъ перевооруженія М. И. Драгомировымъ на страницахъ *Развѣдчика*:

„Съ перевооруженіемъ и увеличеніемъ нашей артиллеріи торопиться не слѣдуетъ *), такъ какъ: 1) съ теченіемъ времени можно выбрать лучшій образецъ скорострѣльнаго орудія; 2) отечество наше бѣдно, и ему слишкомъ тяжело будетъ затратить на это перевооруженіе 100—120 милл. рублей; 3) трудно найти пригодныя позиціи для массоваго расположенія артиллеріи въ бою, и еще болѣе трудно будетъ управлять такими массами; 4) при мало-удовлетворительномъ состояніи нашихъ дорогъ, излишекъ артиллеріи будетъ слишкомъ обременителенъ для арміи и 5) при убыли пѣхоты, съ первыхъ же моментовъ столкновенія съ противникомъ, процентное соотношеніе пѣхоты и артиллеріи окончательно нарушится, и артиллерія явится уже не могучимъ помощникомъ пѣхоты, а, наоборотъ, обузой для нея“.

---

*) Хороши были бы мы теперь безъ скорострѣльной артиллеріи!

И вотъ что̀ я на это возражалъ:

„Въ Крымскую кампанію 1855 года, да и въ кампанію 1878—88 годовъ, неравенство вооруженія дало намъ тяжелые уроки, которые какъ будто бы теперь забываются. Съ перевооруженіемъ именно слѣдуетъ торопиться. Разъ образецъ орудія окончательно выработанъ, нечего болѣе медлить, жалѣя денегъ.

„Говорятъ—мы бѣдны, и частое перевооруженіе арміи слишкомъ тяжело отзывается на нашемъ бюджетѣ. Мы содержимъ, однако, милліонную армію, ежегодно тратимъ на нее сотни милліоновъ рублей; возможно ли останавливаться предъ дальнѣйшими расходами, имѣющими цѣлью довести вооруженіе ея на одинаковую степень съ нашими сосѣдями? Если въ дѣйствительности окажется, что средства наши не допускаютъ такихъ затратъ, то лучше уменьшить численность арміи, чѣмъ рисковать идти въ бой не съ соотвѣтственнымъ вооруженіемъ“.

„Что касается соображенія о трудности нахожденія соотвѣтствующихъ позицій для массоваго расположенія артиллеріи въ бою, и о трудности управленія такими массами, то это чисто условно. Подъ Фридландомъ, въ 1807 году, батарея Сенармона въ 36 орудій казалась

непомѣрно большою, а подъ Вертомъ, въ 1871 году, прусаки уже выстраиваютъ на позиціи 100-пушечную батарею, и для нея находится достаточно мѣста; думаю, что и въ будущія кампаніи найдутся люди, умѣющіе развернуть въ бою и бо̀льшее число орудій; но, конечно, надо учиться и умѣть выбирать людей, которые стояли бы на высотѣ своего положенія. Соображенія автора о трудности слѣдованія по нашимъ дорогамъ большихъ колоннъ артиллеріи нѣсколько преувеличены; войска наши преимущественно расположены на западѣ государства, гдѣ въ послѣднее время проложена цѣлая сѣть стратегическихъ дорогъ; въ ближайшемъ будущемъ сѣть эта еще болѣе должна развиться; во всякомъ случаѣ дурныя дороги скорѣе повліяютъ на движеніе обозовъ, чѣмъ артиллеріи, которая значительно подвижнѣе. Что касается высказаннаго мнѣнія, что въ кампаніи % убыли въ пѣхотѣ весьма скоро превыситъ % убыли въ артиллеріи, послѣ чего послѣдняя явится бременемъ, то, быть-можетъ, авторъ и правъ, если брать въ разсчетъ % убыли людей въ пѣхотѣ и личнаго состава въ артиллеріи; но, если сравнить убыль въ пѣхотѣ съ разстройствомъ матеріальной части артил-

леріи въ серіозномъ бою, то, при дѣйствительности огня современныхъ орудій, какъ бы не вышло наоборотъ: убыль людей въ пѣхотѣ пополнить не трудно, а матеріальную часть артиллеріи далеко не такъ легко. Не слѣдуетъ забывать, что, при сложности современной матеріальной части артиллеріи, наши западные сосѣди имѣютъ возможность гораздо скорѣе пополнить такую убыль, чѣмъ мы"...

Свою статью въ *Развѣдчикѣ* противъ перевооруженія авторъ заканчиваетъ популярною сказкой о трехъ мужикахъ, изъ которыхъ выгадалъ тотъ, который менѣе затрачивалъ на охрану своего имущества. Отъ себя добавлю,— конецъ могъ быть и другой: „когда умный мужикъ накопилъ добро, сосѣди въ одинъ прекрасный день его обобрали".

Тѣ же теоретики отрицали и цѣлесообразность щитовъ въ артиллеріи, а, между прочимъ, вотъ что̀ говоритъ сама жизнь устами военнаго корреспондента Немировича-Данченко изъ Ляояна:

„Онъ (непріятель) часто выдерживаетъ до конца небольшіе бои, пряча орудія. Расчетъ простой и понятный—не соблазнятся ли русскіе, и не подойдутъ ли поближе. Въ началѣ

войны это удавалось,—теперь далеко не то. Мы обыкновенно долго нащупываемъ ихъ нашими шрапнелями и гранатами, пока тѣ, разочаровавшись въ возможности заполучить насъ въ ловко устроенный ими мѣшокъ, наконецъ, разозлятся и начнутъ дѣйствовать своими пушками. Во всемъ, что̀ они предпринимаютъ, нужно всегда искать заднюю цѣль, что̀ и доказалъ сегодняшній бой у Самсонова. При этомъ японцы никогда не обнаруживаютъ своихъ батарей, и наши лучшія, какъ Филимоновская (2-я забайкальская, подъ-эсаула Иванова) и Романовская на Квантунѣ, умѣютъ отлично справляться съ ними. Они, во-первыхъ, хорошо прикрываются, и даже при этомъ мѣняютъ свои мѣста. Всѣ то, что̀ сдѣлали мы 2 іюля, оставивъ свои батареи тамъ, гдѣ наканунѣ противникъ выбилъ изъ нихъ чуть не половину прислуги и офицеровъ,—никому непонятно. Ни Ивановъ, ни Романовскій, несмотря на отсутствіе приказаній, не сдѣлали бы такой оплошности! Романовскій, сберегая прислугу, уставилъ даже щиты изъ тонкаго желѣза, совершенно достаточные на такихъ разстояніяхъ, и у него нѣтъ никакихъ потерь. Говорятъ, надо примѣняться къ мѣстности; едва ли не больше еще слѣдуетъ

примѣняться къ противнику — и бить его же хитростью, его же техникой“ *).

Казалось, должно было быть яснымъ, что, съ усовершенствованіемъ оружія, примѣненіе къ мѣстности и самоокапываніе получатъ большее значеніе, а между тѣмъ отъ солдатъ требовалось, чтобъ они въ цѣпи никогда не ложились, на томъ основаніи, что, якобы, разъ залегшую цѣпь уже трудно поднять; къ моимъ же заявленіямъ, что этимъ люди не только въ одиночку, но и цѣлыми частями отучаются отъ примѣненія къ мѣстности, — оставались глухи. О самоокапываніи **) съ презрѣніемъ говорили и даже высмѣивали самое слово „самоокапываніе“. Японцы иначе отнеслись къ этимъ вопросамъ, и мы видимъ, что примѣненіе къ мѣстности и самоокапываніе у нихъ въ арміи доведены до высочайшей степени совершенства.

До войны въ русской арміи существовала группа теоретиковъ, которая возвела въ догматъ цѣлую серію ложныхъ идей; эта группа отрицала почти всѣ усовершенствованія въ области военнаго дѣла и, для противодѣйствія новѣйшему искусству, пользовалась великимъ

*) *Русское Слово*, 3 августа 1904 года, № 214.

**) Немало отъ этого пролито на поляхъ Манчжуріи лишней крови.

именемъ Суворова и его изреченіями: „пуля дура — штыкъ молодецъ“, „береги пулю на три дня, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять“, „стрѣляй, рѣдко да мѣтко“, „штыкомъ коли крѣпко“, „пуля обмишурится, а штыкъ не обмишурится“. По ихъ убѣжденію, въ этихъ словахъ заключается такое высокое ученіе, коего никакія усовершенствованія въ области военнаго искусства измѣнить не могутъ.

Сознавая вредъ, который можетъ принести такого рода ученіе, тѣмъ болѣе, что оно проповѣдовалось людьми, пользующимися, по своему служебному положенію, общимъ довѣріемъ, я въ печати высказывался такъ:

„Солдата въ настоящее время слѣдуетъ учить только: стрѣлять рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко, а о томъ, чтобы пулю беречь на цѣлую кампанію, и что пуля обмишурится, упоминать не слѣдуетъ; тѣмъ болѣе не слѣдуетъ внушать солдату понятія о томъ, что въ бою сотня пуль летитъ на воздухъ; такое ученіе подрываетъ довѣріе къ оружію, а и пулю теперь ужъ, конечно, не слѣдуетъ называть дурой, хотя бы за это васъ и прозвали огнепоклонникомъ“.

Ссылка на Суворова оказывается несвоевременною, потому что онъ училъ о штыкѣ и пулѣ согласно достоинству оружія своего времени; теперь же нашъ безсмертный Суворовъ сказалъ бы, что штыкъ попрежнему молодецъ, но пуля стала во много разъ умнѣе.

Основываясь на несомнѣнномъ фактѣ, что въ современныхъ бояхъ штыковыя свалки гораздо рѣже прежняго, нѣкоторые изслѣдователи высказываютъ мысль, что значеніе холоднаго оружія нисколько не измѣнилось, но что люди уже не прежніе.

Съ такимъ взглядомъ согласиться не могу: люди остались прежніе, что̀ доказали переходы черезъ Балканы, взятіе Карса, Баязетъ, а нынѣ—сраженія у Тюренчена и Цзинь-чжоу, непрерывные славные бои у Портъ-Артура и другіе подвиги. Мнѣ кажется, причину дѣйствительно измѣнившихся условій надо искать только въ усовершенствованномъ оружіи, огонь котораго надрываетъ и уничтожаетъ ту живую силу, которая необходима, чтобы въ послѣднюю минуту сойтись грудь съ грудью. Вѣдь это не единоборство. При прежнемъ, относительно гораздо болѣе слабомъ, ружейномъ огнѣ, ударъ въ штыки большею частію представлялъ един-

ственное средство заставить противника сдаться, подчиниться; огонь служилъ только пособіемъ, средствомъ для облегченія задачи. Современный ружейный и орудійный огонь настолько силенъ, что уже самъ по себѣ во многихъ случаяхъ имѣетъ рѣшающее значеніе, и дѣло можетъ обойтись безъ удара въ штыки (Вафангоу). Только въ этомъ, а не въ чемъ-либо другомъ, слѣдуетъ искать причину того, что штыковыя свалки въ современномъ бою становятся рѣже.

Нѣтъ сомнѣнія, что, послѣ окончанія войны, переработка военныхъ уставовъ будетъ поручена людямъ-практикамъ. Послѣдніе наши уставы были значительно упрощены и сжаты, съ цѣлью предоставить извѣстную инціативу и самостоятельность, въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ младшимъ, такъ и старшимъ начальникамъ, для развитія въ нихъ находчивости и распорядительности. Но, къ сожалѣнію, принципъ инціативы и самостоятельности понимался не всѣми старшими начальниками въ должномъ значеніи; нѣкоторые теоретики вводили въ уставъ новыя произвольныя формы и дѣлали ихъ обязательными, упуская изъ виду, что этимъ они нарушаютъ коренную идею устава;

обременяя какъ войска, такъ и начальниковъ, и не достигая главной цѣли—развитія находчивости. Такъ, напримѣръ:

1) Требовали, чтобы дивизія, находящаяся въ резервномъ порядкѣ, въ случаѣ нападенія на какой-либо ея фасъ, принимала новое построеніе, по предложеннымъ нарушителемъ устава особымъ рисункамъ, твердое знаніе которыхъ было обязательно для войскъ; а между тѣмъ этимъ нововведеніемъ игнорировалась такая азбучная истина, что при нападеніи кавалеріи первое дѣло — спокойствіе, а не суета, неизбѣжная при спѣшномъ перестроеніи крупной боевой части.

2) Для атаки были введены какіе-то расчлененные порядки, гдѣ полки дивизіи были построены изъ ротъ, на разстояніи двадцати шаговъ одна отъ другой. Такое расположеніе ротъ представляло какъ бы умышленно-приготовленную цѣль для непріятельской артиллеріи, съ цѣпью впереди отъ 20 до 40 шаговъ.

3) Исходя изъ мысли, что рота въ бою можетъ „захлебнуться", требовали, чтобы во время показной атаки подавали сигналы „стой", или приказывали переднимъ линіямъ останавливаться и стоять до тѣхъ поръ, пока ихъ не

подопрутъ заднія линіи; тогда объ линіи идутъ вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени опять подавать сигналъ „стой" и ждать подхода слѣдующихъ линій и т. д., до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ послѣдніе резервы, и тогда уже вся эта масса идетъ въ атаку. Все это должно продѣлываться, начиная съ дистанціи 200 шаговъ (!) отъ непріятеля. Предложеніе это основываютъ на томъ, что въ бою часть, идущая въ атаку, можетъ остановиться, а потому, въ мирное время, нужно обучить резервы, чтобъ они твердо знали, что на ихъ обязанности лежитъ идти впередъ и подталкивать остановившихся; при этомъ требуется показывать, чтобы первыя линіи упирались назадъ, а заднія ихъ толкали бы впередъ.

Мнѣ кажется, что ни въ какомъ случаѣ, въ мирное время, не должно показывать войскамъ такіе пріемы, при которыхъ имъ напоминается, что они въ бою могутъ остановиться, попросту сказать,—струсить. Если быть послѣдовательнымъ, то надо показывать и то, какъ войска побѣгутъ, что въ бояхъ случалось и будетъ случаться; но въ мирное время не должно быть объ этомъ и помину. Бой въ атакѣ есть призывъ къ смерти или побѣдѣ, и все по этому бою должно

идти впередъ, безъ оглядки. Въ этомъ только духѣ, въ мирное время, и должны воспитываться войска. Кромѣ того, весьма опасно пріучать людей къ тому, что, во время боя въ попатакѣ, атакующимъ частямъ можетъ быть поданъ сигналъ „стой“, что неизбѣжно поведетъ къ катастрофѣ.

4) Требовали, чтобы цѣпи никогда не ложились. Я уже писалъ, что этимъ люди отучаются отъ примѣненія къ мѣстности, и такимъ образомъ прольется много лишней крови, чему мы видимъ яркія доказательства въ настоящую войну.

Думаю, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы доказать, до какой безцеремонности дошли нарушители уставовъ, и къ какимъ плачевнымъ результатамъ это повело. Что такого рода нарушители находились не только въ нашей арміи, но и въ иностранныхъ, видно изъ приказовъ двухъ германскихъ императоровъ, которые стремятся оградить уставъ отъ произвольныхъ измѣненій. Въ виду крайняго интереса этихъ приказовъ, въ связи съ излагаемымъ вопросомъ, привожу ихъ цѣликомъ.

Величайшій военный авторитетъ, маститый

вождь германской побѣдоносной арміи, императоръ Вильгельмъ I выразился такъ: „Опытъ за послѣднее время показалъ необходимость въ измѣненіи и дополненіи... Я симъ утверждаю нижеслѣдующій уставъ полевой службы и опредѣляю, что заключающимся въ немъ основнымъ правиламъ и положеніямъ на будущее время присвоивается исключительное значеніе“. Такимъ образомъ, намѣренно оставленъ извѣстный просторъ при исполненіи службы на практикѣ.

Этимъ просторомъ имѣютъ пользоваться, на основаніи самостоятельнаго, каждый разъ, рѣшенія, начальники всѣхъ чиновъ; ограниченіе означенной, безусловно необходимой, самостоятельности какими-либо дальнѣйшими положеніями формальнаго свойства ни подъ какимъ видомъ не дозволено... Настоятельно необходимо не утруждать обученіе измышленіемъ формъ и образцовъ, которыхъ не знаютъ ни войска, ни уставъ. До крайности точное соблюденіе этого—долгъ каждаго начальника. Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что война ведется не со слабымъ мирнымъ кадромъ, а съ мобилизованною арміей, и что всякіе искусственно-утонченные пріемы исчезаютъ въ первый день мобилизаціи.

Еще болѣе опредѣленно высказывается нынѣшній германскій государь. Въ высочайшемъ приказѣ, служащемъ введеніемъ къ уставу строевой пѣхотной службы изданія *1888 года*, онъ говоритъ: „... Выгода, достигнутая упрощеніемъ нѣкоторыхъ формъ, не должна быть утрачена тѣмъ, что, для достиженія бо̀льшаго наружнаго единообразія, или съ другою цѣлью, кѣмъ-либо сдѣланы будутъ словесныя или письменныя добавленія. Нарочно оставленный просторъ развитія и примѣненія ни въ чемъ не долженъ быть ограниченъ.

„За всякое нарушеніе этой моей воли виновные будутъ неумолимо подвергаться увольненію отъ службы“.

Напомнивъ еще разъ обо всемъ мною сказанномъ какъ теперь, такъ и въ предыдущихъ моихъ статьяхъ, я позволю себѣ подать совѣтъ отходящимъ на Дальній Востокъ для защиты интересовъ дорогой родины войскамъ: твердо помнить, что главное теперь — *огонь*, слѣдовательно, примѣненіе къ мѣстности и самоокапываніе получаютъ исключительно-важное значеніе. Необходимо внушить людямъ, что пользованіе естественными закрытіями, ловкія перебѣжки, вытекающія изъ чувства самосохране-

нія,—не есть трусость. Наступать шагомъ при нынѣшнемъ огнѣ немыслимо, а потому необходимо наступленіе перебѣжками, такъ, чтобы цѣпь ложилась, стрѣляла, и опять, въ удобный моментъ, перебѣгала впередъ, иногда по одиночкѣ.

Отступленіе также должно производиться перебѣжками, только люди не должны ложиться, а стрѣлять въ непріятеля съ колѣна, имѣя въ виду, что такіе выстрѣлы вѣрнѣе, и что пули большею частью летятъ вверхъ. Такого рода перебѣжки практиковались на Кавказѣ.

Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно развивать инціативу въ людяхъ. При дальности, мѣткости и быстротѣ дѣйствія современной артиллеріи, требованіе, чтобы какъ можно меньше мѣняли мѣста, не только потеряло свое значеніе, но становится прямо опаснымъ: нужно зорко слѣдить, чтобы своевременно ускользнуть отъ пристрѣлявшагося непріятеля и занять другую, менѣе опасную, позицію. Что же касается штыка, то въ рукахъ русскаго солдата онъ представлялъ и представляетъ весьма грозное оружіе; поэтому, ночью и на разсвѣтѣ, когда дѣйствіе огня не можетъ быть развито въ полной своей силѣ, онъ вполнѣ сохраняетъ

свое прежнее боевое значеніе, а какъ воспитательное оружіе, онъ остается незамѣнимымъ.

Въ заключеніе всего, необходимо помнить, что въ современномъ бою, съ огромныхъ дистанцій, очень легко ввести въ заблужденіе какъ непріятеля, такъ и самому попасться впросакъ; поэтому осторожность и даже хитрость играютъ важную роль.

Повторяю высказанное мною ранѣе въ печати въ короткихъ словахъ, потому-что убѣжденъ, что тѣ, кому это нужно, поймутъ меня.

1812-й ГОДЪ И РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

«Русскій Инв.», № 233, 26-го октября 1904 г.

За послѣднее время часто сравниваютъ нынѣшнюю войну съ войной 1812-го года и даже дѣлаютъ сравненіе сраженія подъ Ляояномъ съ Бородинскимъ боемъ.

По моему мнѣнію между этими двумя войнами нѣтъ ничего аналогичнаго, развѣ только то, что какъ тогда, такъ и теперь, русская армія вынуждена была отступать.

Къ 1812-мъ году война была только на сушѣ, въ настоящую же войну побѣда наша на морѣ имѣла бы гораздо больше значенія, чѣмъ побѣда на сушѣ.

Къ 1812-мъ году у Наполеона была готова армія для вторженія. Въ настоящую войну у Японіи также была готова армія, но ее нужно было перевезти моремъ, снабдить всѣмъ необходимымъ, а сдѣлать десантъ около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ хотя бы и на близкое

разстояніе—вещь нелегкая, въ особенности, если у противника сохранился еще хоть какой-нибудь флотъ.

Эта операція потребовала нѣсколькихъ мѣсяцевъ и только этимъ и можно себѣ объяснить удивлявшую очень многихъ медленность наступательнаго движенія японцевъ. Эта медленность и дала намъ возможность подвезти войска изъ внутреннихъ губерній.

Въ европейской печати обвиняли японскихъ начальниковъ въ томъ, что они раздѣлили войска, чтобы одновременно наступать на манчжурскую армію и осаждать Портъ-Артуръ. По мнѣнію критиковъ слѣдовало только оставить заслонъ у Портъ-Артура, а съ остальными войсками стараться скорѣе разбить и преслѣдовать манчжурскую армію.

Японскіе военачальники, конечно, не раздѣлили бы арміи, если бы въ Портъ-Артурѣ не было нашего военнаго флота, уничтожить который до прихода балтійской эскадры они поставили себѣ цѣлью.

Въ 1812-мъ году наши арміи были разъединены и имъ нужно было соединиться, чего, конечно, Наполеонъ не хотѣлъ допустить, а потому намъ необходимо было въ избранныхъ

нами пунктахъ давать сраженія съ цѣлью задержать Наполеона. Въ настоящую войну этой причины не было, а потому, мнѣ кажется, русская армія имѣла возможность сосредоточиться, отступая безъ серьезныхъ боевъ.

Могутъ возразить, что сраженіе у Вафангоу было дано съ цѣлью выручить Портъ-Артуръ, но я думаю, что выручить Портъ-Артуръ *съ суши*—задача, не только тогда, но и теперь трудно выполнимая.

Сравниваютъ Ляоянъ съ Бородинымъ. Подъ Бородинымъ мы должны были дать сраженіе: того требовала вся Россія, Москву безъ боя отдать нельзя было. Такое же важное значеніе, но въ другомъ родѣ, имѣетъ въ эту войну только Харбинъ, котораго безъ боя отдать нельзя.

Послѣ занятія Наполеономъ Москвы о скоромъ наступленіи нашей арміи на французскую мы и мечтать не могли. Послѣ же занятія японцами Ляояна мы чувствуемъ себя уже настолько сильными, что переходимъ въ наступленіе. Но какая трудная задача предстоитъ русской арміи идти по пятамъ отступающей японской въ сравненіи съ преслѣдованіемъ отступавшаго Наполеона въ 1812 году!

Разъ, что Наполеонъ не могъ оставаться въ Москвѣ и рѣшился отступать, всѣ понимали тогда, что армія его, тая сама собой, будетъ уничтожена. Такъ понималъ это и Кутузовъ и, желая сберечь свои войска, онъ не особенно стремился преслѣдовать французовъ. Совсѣмъ другое будетъ отступленіе японской арміи, и русской арміи придется перенести много лишеній и трудовъ, чтобы вытѣснить японцевъ изъ Кореи.

А поэтому нельзя не радоваться выходу нашей 2-й тихоокеанской эскадры. Ей предстоитъ завидная доля положить конецъ войнѣ. Придетъ ли она въ Портъ-Артуръ, или обстоятельства сложатся такъ, что ей придется идти прямо во Владивостокъ, все-таки она будетъ имѣть полную возможность, если не совсѣмъ прекратить, то сильно затруднить японцамъ подвозъ всего необходимаго въ армію, до такой степени, что они уже будутъ думать только о томъ, чтобы благополучно вернуться къ себѣ.

Богъ въ помощь 2-й тихоокеанской эскадрѣ!

КЪ ВОПРОСУ О 3-й ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРѢ.

«Русск. Инв.», № 265. 3-го декабря 1904 г.

Слѣдя въ настоящее время за газетами, нельзя съ чувствомъ удовлетворенія не замѣтить, что въ печати стали раздаваться голоса, признающіе, что единственный для насъ способъ побѣдить Японію — это уничтоженіе ея флота, и требующіе такого увеличенія нашихъ морскихъ силъ, которое дало бы намъ несомнѣнный перевѣсъ на морѣ.

Не такъ давно дѣло обстояло совершенно иначе: хорошо помню, что, когда въ рѣчи, произнесенной на севастопольскомъ обѣдѣ 5-го февраля текущаго года, я опредѣленно высказалъ, что Японія не посмѣла бы навязать намъ войны, если бы мы имѣли близъ ея береговъ достаточно сильный флотъ, и что въ кронштадтскихъ и петербургскихъ мастерскихъ должна днемъ и ночью, при электрическомъ

свѣтѣ, кипѣть работа по сооруженію судовъ,— мнѣніе это не встрѣтило сочувствія и вопросу о флотѣ придавали мало значенья. Видя въ Россіи державу сухопутную, всѣ были склонны придавать больше значенія побѣдамъ не на морѣ, а на сушѣ. Многихъ приходилось тогда убѣждать въ томъ, что побѣда наша на морѣ ознаменуетъ собою не просто успѣхъ, а конецъ войны, и что поэтому именно на сооруженіе флота нельзя жалѣть никакихъ издержекъ, какъ бы велики онѣ ни были.

Твердо вѣря въ это основное положеніе, я еще въ февралѣ текущаго года подалъ по этому вопросу записку, въ которой высказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: Война застала насъ врасплохъ. Наши морскія силы не были сосредоточены къ моменту ея начала и это обстоятельство сразу поставило насъ въ крайне неблагопріятныя условія, такъ какъ Японія, владѣя моремъ, спокойно высаживаетъ свои войска подъ прикрытіемъ флота. Только морскія побѣды, только уничтоженіе непріятельскихъ эскадръ и перенесеніе войны къ берегамъ самой Японіи заставятъ ее согласиться на миръ, почетный для насъ и обезпечивающій интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ. „Но морскія по-

бѣды возможны лишь при условіи значительнаго увеличенія нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ. Къ этой цѣли должны быть направлены дружныя усилія Россіи и, прежде всего, морского вѣдомства. Необходимо теперь же, со всею энергіею, приняться за подготовку и боевое снаряженіе балтійскаго и черноморскаго флотовъ". Перечисляя затѣмъ всѣ имѣвшіяся въ виду военныя суда, я, помимо вошедшихъ нынѣ въ составъ эскадры адмирала Рожественскаго, указывалъ также на броненосцы „Наваринъ", „Ушаковъ", „Сенявинъ", „Корниловъ" и „Владиміръ Мономахъ", и на 4 броненосца черноморской эскадры, предполагая, что послѣдніе удастся провести черезъ Дарданеллы цѣною обязательства не возвращать ихъ обратно.

Нельзя не вспомнить теперь съ глубочайшею благодарностью исключительной энергіи, проявленной морскимъ вѣдомствомъ при изготовленіи въ столь необычайно короткій срокъ 2-й тихоокеанской эскадры послѣ того, какъ мысль о необходимости послать въ японскія воды флотъ восторжествовала.

Въ настоящее же время, когда это уже не мечты, а совершившееся событіе, въ печати и

въ обществѣ возбуждается вопросъ о снаряженіи 3-й эскадры и высказываются нареканія на морское вѣдомство за то, что въ составъ 2-й эскадры вошли не всѣ находящіяся въ боевой готовности суда. При этомъ совершенно упускается изъ вида, что вопросъ обо всѣхъ этихъ судахъ еще въ февралѣ обсуждался морскимъ вѣдомствомъ, что начальникомъ главнаго морского штаба былъ никто иной, какъ адмиралъ Рожественскій, которому всѣ суда балтійской эскадры были хорошо извѣстны, и который, получивъ въ командованіе 2-ю тихоокеанскую эскадру, конечно, безъ особыхъ причинъ не встрѣтилъ бы отказа въ просьбѣ о пополненіи ея тѣмъ или другимъ *готовымъ* судномъ. А такія причины несомнѣнно были, и въ числѣ главныхъ, думается мнѣ, до крайности трудный на практикѣ вопросъ объ углеснабженіи. Вѣдь, чѣмъ больше судовъ, да еще съ малыми вмѣстилищами для угля, тѣмъ труднѣе обезпечить топливомъ и всю эскадру. Мы знаемъ, вѣроятно, лишь часть затрудненій, испытанныхъ въ этомъ отношеніи адмираломъ Рожественскимъ, который, конечно, могъ и долженъ былъ ожидать худшаго и не могъ расчитывать ни на какія послабленія со стороны нейтральныхъ государствъ.

Не могу не возразить противъ высказаннаго на страницахъ „Новаго Времени" г. Прибоемъ мнѣнія о возможности и желательности, теперь же, не дожидаясь снаряженія цѣлой эскадры, отправить вслѣдъ адмиралу Рожественскому отдѣльныя, находящіяся въ боевой готовности суда. Отправку такихъ отдѣльныхъ судовъ я считаю совершенно невозможною потому, что только при цѣлой эскадрѣ можно имѣть необходимыя при продолжительномъ переходѣ плавучія мастерскія и угольные транспорты. Независимо сего, отправка подкрѣпленій эскадрѣ адмирала Рожественскаго должна предприниматься исключительно по его же указаніямъ, которыхъ онъ въ настоящее время дать еще и не можетъ, такъ какъ самъ не знаетъ, гдѣ обстоятельства позволятъ ему устроить базу. Напримѣръ, если бы адмиралъ Рожественскій вынужденъ былъ идти во Владивостокъ, то высланныя теперь подкрѣпленія, не имѣя другой, ближайшей базы, остались бы совершенно беззащитными и, не оказывая услуги адмиралу Рожественскому, явились бы для послѣдняго только обузою. Не лишнее также вспомнить, въ какомъ положеніи очутилась послѣ блокады Портъ-Артура шедшая на Даль-

ній Востокъ эскадра Виреніуса, представлявшая болѣе грозную силу, чѣмъ тѣ суда, которыя предлагаютъ теперь посылать на Дальній Востокъ чуть ли не по одиночкѣ.

Итакъ, готовить неустанно флотъ намъ необходимо, и, чѣмъ скорѣе будетъ снаряжена 3-я эскадра, тѣмъ лучше. Но пусть же она пойдетъ на подмогу адмиралу Рожественскому въ полномъ своемъ составѣ и тогда обѣ эскадры, съ адмираломъ Рожественскимъ во главѣ, принесутъ русскому флоту ту славу, имя которой носитъ ея главный броненосецъ.

КЪ ИНЦИДЕНТУ ВЪ СѢВЕРНОМЪ МОРѢ.

«Русск. Инв.», № 276. 16-го декабря 1904 г.

Задорная и алчная политика Англіи, основанная на могуществѣ ея флота и несмѣтныхъ богатствахъ, пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ морскою торговлею, дѣлаетъ ее главною и постоянною виновницею нескончаемыхъ войнъ и кровопролитій. Трудно указать время, когда бы Англія не вела войны въ какомъ-нибудь уголкѣ земного шара, по преимуществу со слабымъ противникомъ, безъ страха возмездія. При настоящемъ своемъ могуществѣ, она орудуетъ міровою политикою исключительно въ свою пользу, никогда не принимая во вниманіе общенародныхъ или гуманныхъ требованій. Если войны случаются между другими европейскими государствами, то кровь съ обѣихъ сторонъ льется потоками, а потому и понятно, что континентальныя державы прибѣгаютъ къ войнѣ лишь въ крайности. Совсѣмъ въ другомъ по-

ложеніи находится Англія: если она и ведетъ войну даже съ кѣмъ-либо другимъ въ союзѣ, то ею проливается весьма мало крови своихъ гражданъ и она, главнымъ образомъ, отдѣлывается только деньгами или, въ крайнемъ случаѣ, кровью своихъ иноплеменныхъ подданныхъ.

Въ то же время недремлющіе англійскіе дипломаты, путемъ сопоставленія всевозможнѣйшихъ софизмовъ, въ родѣ: свобода торговли, право взаимности, уваженіе частной собственности и т. п., стараются обезпечить свой успѣхъ перомъ, чему мы видимъ яркій примѣръ въ Крымской кампаніи, когда англійскіе дипломаты, пользуясь вышеприведенными софизмами, убѣдили нашихъ отказаться отъ выдачи каперскихъ свидѣтельствъ. Это принесло намъ громадный ущербъ, потому что предложеній на полученіе таковыхъ было много, въ томъ числѣ и отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

При всякой войнѣ между континентальными державами, Англія, оставаясь только бдительною зрительницею, пріобрѣтаетъ матеріальныя выгоды и достигаетъ своего возвышенія на счетъ ослабленія воюющихъ сторонъ. Имѣя въ

своемъ распоряженіи громадный военный флотъ, она пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы устрашать морскими демонстраціями другія, болѣе слабыя въ этомъ отношеніи державы. При современномъ могуществѣ Англіи, она умышленно и безнаказанно создаетъ поводы къ войнамъ между другими государствами, съ цѣлью извлеченія изъ этихъ ссоръ выгоды для себя. Поэтому, въ свое время я уже указывалъ, что европейскимъ державамъ весьма опасно имѣть въ своей средѣ государство со столь беззастѣнчивою политикою, какъ англійская, и что едва ли когда-либо представлялся болѣе удобный моментъ къ ея обузданію, какъ во время англо-бурской войны. Я говорилъ, что первоклассным европейскимъ державамъ, въ видахъ общей безопасности, слѣдовало хотя бы на время предать забвенію свои личныя несогласія и заключить между собою временный союзъ—примѣрно лѣтъ на пять—и предложить Англіи слѣдующій ультиматумъ:

1) Военныя дѣйствія въ южной Африкѣ прекратить, оставивъ независимыми Трансвааль и Оранжевую республику.

2) Сдѣлать Суецкій каналъ дѣйствительно нейтральнымъ.

3) Исполнить данное Англіею обѣщаніе объ удаленіи изъ Египта англійскихъ войскъ.

Всѣ эти условія Англія тогда вынуждена была бы принять, такъ какъ не только всѣ ея войска въ южной Африкѣ вымерли бы съ голода, вслѣдствіе прекращенія общими усиліями подвоза провіанта, но можно было бы угрожать десантомъ самой Англіи, не имѣющей достаточно войскъ для обороны.

Предположенія мои прежде всего оправдались на извѣстномъ англо-французскомъ спорѣ изъ-за Фашоды, а вторично въ самое недавнее время на конфликтѣ, вызванномъ происшествіемъ въ Сѣверномъ морѣ.

Вѣдь сколько надѣлало шума столкновеніе нашей эскадры съ таинственными судами, подвергшимися обстрѣливанію. Случай этотъ разобранъ англійскою прессою до мельчайшихъ подробностей, при чемъ вся англійская печать какъ бы сговорилась единодушно осыпать обвиненіями русскую эскадру, утверждая, что послѣдняя безъ всякаго основанія открыла огонь по мирнымъ рыболовнымъ судамъ и причинила гибель многихъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, тяжко нарушивъ этимъ интересы всей страны, т. е. Англіи. Во всѣхъ этихъ злоб-

ствовавшихъ статьяхъ и замѣткахъ поражало прежде всего отсутствіе самой элементарной справедливости, спокойствія и даже логики: ни одна англійская газета не вспомнила, что вѣдь *злого умысла* со стороны нашей эскадры никакимъ образомъ быть не могло, а въ худшемъ для насъ случаѣ произошла лишь прискорбная *ошибка*, за допущеніе которой русское правительство всегда и при всякихъ обстоятельствахъ приняло бы на себя обязательство всесторонне вознаградить пострадавшихъ. Между тѣмъ, въ чаду увлеченія, англійскія газеты, обсуждая происшествіе въ Сѣверномъ морѣ, совершенно непослѣдовательно обходили молчаніемъ возможность нахожденія на пути нашей эскадры непріятельскихъ миноносцевъ или иныхъ судовъ, приспособленныхъ для поврежденія нашихъ броненосцевъ и крейсеровъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе вопроса становится и гораздо сложнѣе и гораздо интереснѣе. Вѣдь, если наши моряки не ошиблись, а дѣйствительно видѣли въ британскихъ водахъ перерѣзавшія имъ путь миноносныя суда безъ огней, то несомнѣнно, что послѣднія не могли появиться со дна морского. Очевидно, что онѣ гдѣ-нибудь были построены, откуда-нибудь ку-

плены, имѣли какой-нибудь пріютъ, иными словами — базу, гдѣ поджидали нашу эскадру и откуда произвели на нее нападеніе. Какъ же должно въ этомъ случаѣ поступить то дружественное (?) государство, на территоріи котораго подготовлялся коварный замыселъ? Какое удовлетвореніе должно оно потребовать отъ Японіи? Нельзя же забывать, что, если только наша эскадра наткнулась въ Сѣверномъ морѣ на *японскіе* миноносцы, то эти послѣдніе пользовались прикрытіемъ *англійскихъ* рыболовныхъ судовъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже сказалъ, каждый разъ, когда интересы Англіи сталкиваются съ интересами другого государства, правительство ея, ободряемое великолѣпно спѣвшеюся прессою, принимаетъ угрожающее положеніе съ прямою цѣлью запугать данное государство и угрозами принудить его къ уступкамъ. Такъ было и въ упомянутомъ инцидентѣ съ Фашодою, происшедшемъ уже во время существованія франко-русскаго союза. До глубины души возмущенный, я, подъ этимъ впечатлѣніемъ, обратился тогда съ письмомъ къ лично мнѣ знакомому генералу Соссье, высказавъ ему свое убѣжденіе, что достаточно было бы фран-

цузскому правительству только объявить распоряженіе о мобилизаціи 150-ти тысячной арміи для десанта, чтобы умѣрить пылъ и требованія Англіи. Отвѣта генерала Соссье я не могу огласить въ печати, но невольно возвращаюсь къ той же мысли по поводу недавняго нашего конфликта съ Англіей, вызваннаго инцидентомъ въ Сѣверномъ морѣ и улаженнаго мирнымъ путемъ, быть-можетъ, не безъ содѣйствія той же Франціи. Не мѣшаетъ, въ самомъ дѣлѣ, напомнить англійской прессѣ, какъ постоянной подстрекательницѣ ко всякаго рода угрозамъ въ международной жизни, пословицу: „повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“.

Я вовсе не хочу намекать этимъ на воинственное настроеніе Россіи, которая всегда желала и желаетъ мира. Но очень полезно спокойно выяснить тѣ опасности, которымъ можетъ себя подвергнуть Англія, вызывая насъ на войну.

Войну же эту, при участіи Франціи въ качествѣ союзницы, я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ: Россія мобилизуетъ 5—6 корпусовъ для похода въ Индію, принявъ мѣры къ тому, чтобы убѣдить афганскаго эмира въ

полномъ своемъ безкорыстіи и предоставленіи ему всѣхъ возможныхъ выгодъ. Одновременно Франція приготовляетъ тотъ десантъ, о которомъ сказано выше, Германія же, при соблюденіи полнѣйшаго нейтралитета (хотя скорѣе мы можемъ ожидать отъ нея болѣе дружественнаго къ себѣ отношенія), будетъ вынуждена мобилизовать весь свой флотъ, который для Англіи будетъ представлять весьма серьезную опасность; несмотря на нейтралитетъ Германіи, она должна будетъ считаться съ близкимъ сосѣдствомъ германскаго мобилизованнаго флота и принять мѣры на случай его участія въ десантѣ на берега Англіи. Между тѣмъ, нашъ черноморскій флотъ соединится съ французскою средиземною эскадрою и, стало-быть, въ южныхъ водахъ Англія также должна будетъ держать по крайней мѣрѣ равносильный флотъ. При такихъ условіяхъ, если Англія и не потеряетъ преобладанія на морѣ, то все-таки не будетъ уже въ состояніи охранять свой торговый флотъ отъ захвата русскихъ и французскихъ крейсеровъ и каперовъ—добровольцевъ. Опасность же, грозившая и Франціи и намъ отъ нападеній англійскаго флота на побережья, значительно умаляется при современномъ развитіи миннаго

дѣла вообще и подводныхъ лодокъ въ частности.

А потому-то и достойнѣе и выгоднѣе для Англіи измѣнить своей излюбленной системѣ угрозъ и для будущей политики принять за образецъ недавнее соглашеніе съ Франціею.

МЫСЛИ ВСЛУХЪ.

«Моск. Вѣд.»,. № 335. 4-го декабря 1904 г.

Въ настоящее время слишкомъ ничтожный процентъ строевыхъ армейскихъ офицеровъ достигаетъ высшихъ командныхъ и административныхъ должностей, которыя съ каждымъ годомъ все исключительнѣе замѣщаются офицерами генеральнаго штаба. Въ академію генеральнаго штаба идутъ, конечно, офицеры развитые, склонные къ научнымъ занятіямъ. Какъ работы въ академіи, такъ и слѣдующія затѣмъ разнородныя порученія на служебномъ поприщѣ, расширяютъ ихъ взгляды, поддерживаютъ привычку къ умственному труду, но по ходу ихъ службы имъ негдѣ и некогда войти въ болѣе тѣсную связь съ войсками, недостаетъ того чувства принадлежности къ нимъ, которое вырабатывается только продолжительною службой въ строю. Въ самомъ дѣлѣ, мо-

лодой офицеръ, прослуживъ четыре года, изъ которыхъ добрую половину проводитъ въ подготовкѣ ко вступительнымъ экзаменамъ, поступаетъ въ Академію, проводитъ тамъ нѣсколько лѣтъ и затѣмъ, послѣ успѣшнаго окончанія курса, назначается на штабныя должности. Въ теченіе дальнѣйшей своей службы, онъ, до производства въ полковники, проводитъ въ строю два года, командуя ротой или эскадрономъ, и 4—6 мѣсяцевъ, командуя баталіономъ. Попадая въ строй развитымъ и привычнымъ къ умственной работѣ, офицеръ генеральнаго штаба легко усвояетъ то безчисленное множество мелкихъ требованій, изъ которыхъ слагается строевая жизнь. Но знанія эти, какъ скоро пріобрѣтенныя, не могутъ не быть поверхностными. Разобраться въ нихъ, примѣнить ихъ къ дѣлу и выработать на нихъ свой практическій взглядъ онъ не имѣетъ времени.

Отбывъ цензъ, онъ возвращается къ штабной службѣ и появляется снова въ строю уже въ качествѣ отвѣтственнаго начальника отдѣльной части. Но иногда и на этихъ должностяхъ онъ остается не долго. Въ дальнѣйшей своей службѣ, послѣ ряда лѣтъ, новыхъ штабныхъ работъ, онъ назначается на высшія командныя

должности. Весь ходъ службы, разностороннія работы въ штабахъ и управленіяхъ, можетъ-быть, могутъ подготовить администратора; научныя работы разовьютъ умъ и привычку къ мышленію, но оно не приметъ того рѣшительнаго и быстраго направленія, которое требуется для военачальника. Въ штабахъ слишкомъ спокойно и недостаетъ отвѣтственности за тысячи живыхъ существъ, закаливающей характеръ человѣка. Только постоянное обращеніе съ живыми массами, постоянная необходимость принимать немедленно отвѣтственныя рѣшенія, вырабатываетъ быструю находчивость и правильную оцѣнку данныхъ обстоятельствъ—высшія и наиболѣе цѣнныя качества въ бою.

Среди офицеровъ арміи есть много выдающихся и недюжинныхъ лицъ, не обучавшихся въ академіи генеральнаго штаба по различнымъ случайнымъ обстоятельствамъ. Если бы имъ открытъ былъ доступъ къ высшимъ должностямъ, пока не утрачены еще бодрость и энергія, то они по своимъ природнымъ даннымъ могли бы становиться талантливыми вождями войскъ. Адмиралы Лазаревъ, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, не всѣ проходили офицерскіе классы, да и можетъ ли замѣнить какая угодно

академія эти природныя способности и характеры? Генералы Евдокимовъ, Гейманъ, Лазаревъ и др. не имѣли высшаго образованія. Гейманъ началъ службу юнкеромъ, а Евдокимовъ—урядникомъ. Въ послѣднюю кампанію всѣ три оказались выдающимися генералами.

Мое убѣжденіе даже таково, что главнокомандующимъ и знаменитымъ вождемъ надо родиться, и имъ можетъ быть даже не блестяще образованный человѣкъ. Совсѣмъ другое дѣло начальникъ штаба: онъ долженъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, чтобы быть въ состояніи освѣщать и отвѣчать на всѣ вопросы, предлагаемые главнокомандующимъ. Конечно, лучше всего, если въ одномъ лицѣ соединяется и то, и другое, но это бываетъ очень рѣдко.

Не надо забывать, что, по количеству, главную военную силу составляетъ армія, а потому, чтобы дать возможность въ арміи выдвинуться изъ ряда выходящимъ офицерамъ, нужно, по моему мнѣнію, установить по штату въ каждомъ дѣйствующемъ армейскомъ полку одну штабъ-офицерскую вакансію въ чинѣ полковника.

О НАСТУПЛЕНІИ.

«Рус. Инв.», № 43. 23-го февраля 1905 г.

Въ настоящей русско-японской войнѣ воюющія стороны впервые располагаютъ оружіемъ такихъ высокихъ качествъ и пользуются въ такихъ широкихъ размѣрахъ техническими приспособленіями, какъ для укрѣпленія позицій, такъ и для связи и передвиженій на позиціяхъ, а равно и для производства наблюденій за дѣйствіями непріятеля. Огромная скорострѣльность, дальнобойность и настильность оружія, ручныя гранаты, проволочныя загражденія, волчьи ямы, полевые телеграфы и телефоны, автомобили, полевыя желѣзныя дороги и воздушные шары, должны внести неизбѣжно измѣненія какъ въ установившіяся формы строя, такъ и въ дѣйствія войскъ при наступленіи и оборонѣ.

Вопросы эти, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Надѣясь настоящей замѣт-

кой вызвать обсужденіе ихъ въ печати нашими военными учеными, я позволю себѣ высказать слѣдующую мысль: свойства нынѣшняго огнестрѣльнаго оружія и широкое примѣненіе указанныхъ выше приспособленій при устройствѣ оборонительныхъ позицій даютъ возможность обороняющемуся значительно растягивать свой фронтъ. Способы наступленія остались въ общемъ прежніе: или обойти противника, или, сосредоточивъ, по возможности скрытно, силы къ какому либо пункту, прорвать расположеніе его. Обходы при нынѣшнихъ условіяхъ, въ виду возможности занимать обороняющимся растянутое расположеніе, болѣе трудны; что же касается прорывовъ, то они требуютъ значительно больше артиллеріи, чѣмъ это было нужно прежде.

Дѣйствительно, при стойкомъ противникѣ почти невозможно однимъ натискомъ прорвать, даже превосходными силами, нѣсколько линій укрѣпленій, усиленныхъ при томъ проволокой, волчьими ямами, фугасами и т. п., и я полагаю, что при подобной атакѣ въ настоящее время необходимо имѣть подъ рукой возможно больше артиллеріи для послѣдовательной подготовки атаки цѣлаго ряда укрѣпленныхъ позицій,

гдѣ часто встрѣчаются пункты, которые и можно взять только, разрушивши ихъ артиллерійскимъ огнемъ, какъ это было, напримѣръ, при атакѣ Сандепу.

Затѣмъ въ этой войнѣ значительная роль выпадаетъ также на долю полевыхъ инженерныхъ войскъ, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи.

СЕВАСТОПОЛЬ И ПОРТЪ-АРТУРЪ.

«Рус. Инв.», № 37. 16-го февраля 1905 г.

Годъ тому назадъ, когда война вспыхнула, подавляющее большинство доказывало, что Россія, какъ сухопутная держава, побѣдитъ Японію на сушѣ. Мысль же моя, что Японію (какъ островное государство) можно побѣдить только на морѣ, была признана невыполнимою и я со всѣхъ сторонъ получалъ возраженія: „эскадра не можетъ быть своевременно подготовлена, а если и подготовится, то не въ состояніи будетъ, не имѣя на длинномъ пути угольныхъ станцій, обезпечить себя топливомъ“ и другія причины; въ концѣ концовъ утверждали, что „трудно пробить рутину“.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1904 г. я подалъ морскому вѣдомству записку, въ которой высказалъ, что нужно на всѣхъ верфяхъ и мастерскихъ работать день и ночь, чтобы подгото-

вить къ плаванію, какъ можно скорѣе, вторую тихоокеанскую эскадру, не жалѣя для этого никакихъ средствъ, а также и для покупки боевыхъ и транспортныхъ судовъ. Вторая тихоокеанская эскадра давно уже, какъ мы знаемъ, у Мадагаскара, и, значитъ, преодолѣла на своемъ пути всѣ предполагавшіяся препятствія.

Нельзя не отнестись съ глубокою благодарностью къ морскому вѣдомству за ту энергію, которую оно проявило при постройкѣ и снаряженіи эскадры адмирала Рожественскаго. Ни одинъ русскій человѣкъ не помирится съ мыслью, что орудія и команды съ судовъ тихоокеанской эскадры были сняты и поставлены на батареи въ Портъ-Артурѣ, вслѣдствіе чего эскадра не могла исполнить своего назначенія— выйти въ море съ твердымъ рѣшеніемъ прорваться или со славою погибнуть, внеся новую славную страницу въ исторію русскаго флота, и этимъ облегчить задачу адмиралу Рожественскому.

Въ печати и въ разговорахъ мы нерѣдко слышимъ сравненіе Севастополя съ Портъ-Артуромъ. И тотъ, и другой выдержали осаду почти въ теченіе одинаковаго времени. И тотъ и другой защищались моряками, взятыми съ

судовъ. И въ Севастополѣ и въ Портъ-Артурѣ гарнизоны вели себя героями.

Вотъ все, въ чемъ я вижу сходство боевой защиты этихъ двухъ историческихъ пунктовъ. Въ остальномъ оборона Севастополя и Портъ-Артура рѣзко отличаются.

Въ совершенно незащищенномъ Севастополѣ было нѣсколько десятковъ тысячъ матросовъ и только около 6 баталіоновъ пѣхоты, а потому, быть-можетъ, главнокомандующій имѣлъ основаніе несогласиться съ мнѣніемъ адмирала Корнилова—выйти флоту въ море и сразиться съ союзниками, а рѣшилъ пожертвовать парусными судами, изъ которыхъ тогда состоялъ черноморскій флотъ, дабы имѣть возможность защищать Севастополь.

Въ Портъ-Артурѣ же было около 30.000 гарнизона и флотъ могъ увеличить его только на нѣсколько тысячъ. Суда тихоокеанскія отвѣчали послѣднему слову науки, при чемъ сохраненіе флота въ цѣлости для морского боя имѣло гораздо больше значенія для успѣха войны, чѣмъ крѣпость Портъ-Артуръ, что японцы хорошо и понимали.

Когда Севастополь былъ взятъ штурмомъ, наши войска перешли на сѣверную сторону.

Портъ-Артуръ сдался на капитуляцію. Могъ ли онъ еще держаться—рѣшится въ будущемъ.

Штурмъ и капитуляція — два совершенно разныя понятія; при капитуляціи возможно принять такія мѣры, послѣ которыхъ непріятелю ничего полезнаго для военныхъ цѣлей не останется, а потому нельзя вѣрить хвастливымъ извѣстіямъ японцевъ о доставшейся имъ добычѣ.

Послѣ паденія Портъ-Артура особенно стали раздаваться голоса о необходимости мира, какъ будто это зависитъ исключительно отъ однихъ насъ. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы въ Россіи нашелся хотя одинъ человѣкъ, котораго удовлетворилъ бы миръ при условіи уплаты нами контрибуціи, потери Сахалина, съ нимъ утраты послѣдняго выхода въ океанъ и неизбѣжнаго оставленія Сибири подъ постоянной угрозой.

Россія столь могущественна, что можно, не стѣсняясь, говорить правду.

Насъ постигъ рядъ неудачъ на сушѣ и на морѣ. Не проявилось до сихъ поръ талантовъ ни тамъ, ни здѣсь, но за то весь свѣтъ убѣдился, что и за десять тысячъ верстъ отъ родной земли наши войска умѣютъ умирать героями.

На сухомъ пути, можно сказать, мы, какъ бы, только начинаемъ войну и простой подсчетъ намъ покажетъ, что мы обладаемъ по сравненію съ Японіей бо̀льшими средствами для продолженія войны.

По отношенію къ флоту то же самое, если мы энергично будемъ вновь строить и достраивать суда, а также подготовлять личный составъ. Если, Богъ дастъ, эскадра адмирала Рожественскаго пройдетъ съ боемъ или безъ боя во Владивостокъ, то армія Оямы въ нѣсколько сотъ тысячъ не будетъ въ состояніи обезпечить себя всѣмъ необходимымъ.

Говорятъ, въ Россіи нѣтъ людей.

Невольно вспоминаешь безсмертнаго адмирала Лазарева: онъ умѣлъ въ мирное время выбирать такихъ людей, которые въ военное время оказались героями и на высотѣ своего положенія; у этихъ людей слово съ дѣломъ не расходилось и они всегда считали, что правду почетнѣе говорить вверхъ, чѣмъ внизъ.

Россія не желала войны и теперь не желаетъ, а потому дѣло Японіи просить мира, и да знаетъ она мощь Россіи, живущей завѣтами Петра Великаго (лить пушки изъ колоколовъ) и Александра Благословеннаго (не вложимъ ору-

жія, доколѣ врагъ останется не побѣжденнымъ).

Къ Царю сомкнись же, наша Матушка Россія! Перенеси съ твердостью и эту ниспосланную свыше тяжкую годину! А наша славная армія и флотъ да живутъ одною мыслью—отомстить врагу за испытанныя нами неудачи на сушѣ и на морѣ и за Портъ-Артуръ.

———

ПОСЛѢ МУКДЕНА.

«Русск. Инв.», № 55. 10-го марта 1905 г.

Послѣ мукденскаго боя всѣмъ, падающимъ духомъ, повторю сказанныя уже мною раньше слова: „если тебѣ трудно, то непріятелю, быть-можетъ, еще труднѣе, только свое трудное ты знаешь, а непріятельскаго не знаешь“.

И въ самомъ дѣлѣ—что дѣлать дальше японцамъ? Предположимъ, что теперь, послѣ нашего пораженія подъ Мукденомъ, мы будемъ вынуждены безъ боя отдать имъ даже Харбинъ, и Владивостокъ будетъ обложенъ. Съ назначеніемъ комендантомъ владивостокской крѣпости Г. Н. Казбека можно питать полную увѣренность, что она исполнитъ свою задачу до конца.

Армія наша, отступая на западъ, будетъ приближаться къ источнику своихъ подкрѣпленій, будетъ становиться все сильнѣе, съ одной стороны сближаясь со своими резервами, съ другой же—имѣя на своемъ попеченіи охрану ме-

нѣе длиннаго желѣзнодорожнаго пути; тогда какъ японская армія въ этихъ отношеніяхъ окажется въ обратномъ положеніи. Что же касается духа и силы нашихъ войскъ, то надо имѣть въ виду, что до настоящаго времени въ бояхъ участвовала только третья часть всей нашей арміи, а потому и понесённыя нами въ эту войну потери не такъ чувствительны, какъ было бы при мобилизаціи всей арміи, напримѣръ, въ случаѣ войны на западной границѣ.

Наконецъ, настанетъ время, когда наша армія въ состояніи будетъ перейти въ наступленіе, но вытѣснить японскую армію изъ Кореи будетъ намъ не подъ силу. Созданное такимъ образомъ положеніе для воюющихъ сторонъ неизбѣжно поведетъ къ обоюдно-почетному миру. Такъ рѣшается вопросъ, если совсѣмъ не принимать въ расчетъ флота. Если же эскадрѣ Рожественскаго удастся пройти во Владивостокъ, то для насъ создастся вполнѣ благопріятная обстановка, особенно при условіи постояннаго усиленія нашего флота новыми эскадрами, на что мы вполнѣ можемъ расчитывать, если на всѣхъ нашихъ верфяхъ будутъ строиться и достраиваться суда, сколько бы ихъ ни понадобилось для господства на морѣ, и въ то же время будетъ

энергично подготовляться личный составъ. Тогда дѣло приметъ совершенно другой оборотъ и Японіи останется только уже *просить* мира. Вотъ почему нельзя оправдать тѣхъ рискованныхъ кровопролитыхъ боевъ, которые, разстраивая армію, не принесли ничего, кромѣ вреда. До паденія Портъ-Артура еще можно было объяснить эти жертвы желаніемъ выручить нашу осажденную крѣпость, хотя я всегда считалъ это крупною ошибкою, такъ какъ безъ помощи съ моря этого достигнуть было немыслимо.

При всей трудности нашего положенія, мнѣ сдается, что дальновидная Японія, несмотря на свои успѣхи, пошла бы на миръ, если бы ее не ободряли наши внутреннія неурядицы. Всякому ясно, что успѣхъ на войнѣ тѣсно связанъ съ порядкомъ внутри воюющаго государства, а потому въ настоящее время необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ возстановленію нарушеннаго у насъ во многихъ отношеніяхъ порядка.

Оглавленіе.

